

НА БЕРЕГАХ БИРЫ И БИЛЖАНЛ

Г/МВНЛЯ ТОЧКЛ ОПОРЫ

ГЛАВНАЯ ТОЧКА ОПОРЫ

Библиотечка для еврейской
религиозной общины "Фрейнд"
Библиотека
г. Виробиджан

Хабаровское
книжное
издательство

1987

-к *Общественная редколлегия*
серии „На берегах Виры и Биджана“

Председатель редколлегии
первый секретарь областного комитета КПСС ЕАО
Л. Б. Шапиро

Заместитель председателя
редактор журнала «Советиш Геймланд»

А. Л. Вергелис

Члены редколлегии:
Заведующий сектором Института
экономических исследований ДВНЦ
Академии наук СССР кандидат географических наук

Д. С. Вишневецкий

Рабочий Теплоозерского цементного завода
Герой Социалистического Труда

В. В. Врублевский

Заместитель председателя облисполкома,
председатель плановой комиссии

А. М. Кремер

Бригадир тракторно-полеводческой бригады
Пузньковского совхоза

депутат Верховного Совета СССР

А. В. Линник

Член Союза писателей СССР

Б. И. Миллер

* Редактор газеты «Биробиджапер штерн»

Л. Б. Школьник

Рецензент В. Ерохин,
кандидат исторических наук

Составитель В. Горелов,
член Союза журналистов СССР

Г 0802010203—26
М160(03)—87

(г) Хабаровское книжное
издательство, 1937

От издательства

Известно, что время — категория абстрактная. Добавим: и вполне конкретная. Это весьма убедительно доказывает наше время. Даже день вчерашний несравним с днем нынешним — о его неподдельным вниманием ко всему, что касается человека, его духовного и материального мира, с обостренным чувством социальной справедливости, повышенной требовательностью к кадрам, их нравственной чистоте, ко всему, что производится, говорится, планируется.

О многом рассказывают материалы этой книги, но по существу — об одном. О той нравственной атмосфере, в которой живет сегодня наше общество. В одной из ленинских записок есть замечательные слова: «Завоевать себе делами положение». Как же злобно они звучат в наши дни! Что ты сделал для блага общего дела — вот главная и объективная мера оценки человека, а значит — его положения в обществе, авторитета, места в общем строю. Поддерживать людей пытливых, ищущих, страстно желающих утвердить себя делом, приумножить личный вклад в наши общие заботы — значит верно понимать дух нашего времени.

Поэтому в очередной книге из серии «На берегах Биры и Биджана» мы рассказываем о тех, кого называют профессионалами независимо от того, где находится их рабочее место: в поле, заводском цехе или школьном классе, о людях, которыми крепка наша дальневосточная земля.

Для советских граждан давно стало аксиомой, что

каждый может избрать себе ту профессию, которую пожелает, ибо мы все равны перед Советской властью, все имеем равные права и обязанности. Об этом можно было бы и не говорить лишний раз, если бы сионисты всех мастей не кричали о несуществующем «еврейском вопросе», не распространяли слухов о притеснении евреев в СССР.

Однако фактами отвергаются вымыслы. Приведем лишь некоторые.

Евреев в СССР, как известно по переписи 1979 года, было 1811 тыс. человек, то есть меньше одного процента населения страны. Между тем в начале 70-х студентов еврейской национальности в вузах насчитывалось в два раза больше, чем в Израиле. В 1974/75 учебном году в советских вузах занималось более 350 студентов евреев от каждых 10 тыс. человек еврейского населения, хотя в целом по стране этот показатель был равен 188. Молодым людям любой национальности у нас открыты все дороги, и это неясно только нашим врагам, которые продолжают навязывать мир уродливыми мифами о дискриминации евреев в Советском Союзе.

«Пример нашей области опровергает эту клевету, — писал в одной из статей первый секретарь обкома КПСС ЕАО Л. Б. Шапиро. — Наравне с другими автономными областями она имеет своих представителей в высших органах государственной власти — Верховных Советов СССР и РСФСР. Тридцать процентов депутатов местных Советов народных депутатов являются гражданами еврейской национальности. В области единой семьей живут и трудятся представители многих национальностей».

Так думают не только коммунисты. Бывший главный раввин Московской хоральной синагоги Левин на конференции священнослужителей и представителей религиозных обществ Советского Союза выражал свое возмущение по поводу сионистской пропаганды, гневно спрашивая: «Почему сионисты с такой ненавистью, с такой злобой ополчились на Советский Союз? Почему они поносят страну, спасшую евреев всего мира от полного истребления их фашистскими извергами? Ведь именно Республика Советов стала первым в истории государством, объявившим антисемитизм вне закона. Ведь именно в Советском Союзе евреи обрели не формальное, а фактическое равенство со всеми другими народами». Нет сомнения, что любая попытка раздуть национальный вопрос в

СССР обречена на провал. Потому что, как правильно замечено, равенство в нашей стране достигнуто не формальное, а фактическое.

Кого сейчас удивит еврей — квалифицированный рабочий или грамотный колхозник, ведущий инженер или заслуженный учитель, популярный артист или известный писатель?

А между тем еще полвека назад профессии, которыми владели евреи-переселенцы, можно было, как говорится, на пальцах пересчитать: земледельцы, доярки, трактористы, бондари, мебельщики, плотники, лесорубы, землекопы, конюхи, портные, posapa...

Коммунистическая партия, Советское правительство, выполняя ленинский завет о предоставлении всем нациям и народам СССР права на самоопределение, были твердо убеждены, что свободный труд на свободной земле способен творить чудо. И оно произошло. Бывшие парикмахеры, портные, торговцы, ремесленники заложили прочный фундамент экономики первого в истории государственного образования трудящихся евреев — Еврейской автономной области. На некогда пустынных берегах Биры вырос современный город Биробиджан — центр тяжелой индустрии и пищевой промышленности региона. На вольных степных просторах подняты десятки тысяч гектаров плодородных земель. На месторождениях известняка, олова, мрамора, бусита выросли крупные горнодобывающие предприятия. Транспорт, связь, энергетика обеспечивают ускоренное развитие многоотраслевого экономического хозяйства области.

За всеми сегодняшними достижениями области виден напряженный труд многонациональной семьи Биробиджанцев.

В этом сборнике — своеобразном социальном портрете нашего современника — рассказывается о людях, для которых главкой точкой опоры в жизни является труд, представителях разных профессий Еврейской автономной области. Сюда включен очерк о человеке, которого уже нет среди нас, — профессоре Б. Л. Бруке. Подвижническая жизнь этого замечательного труженика покажет сегодняшнему читателю, какие идеи владели первостроителями области, какое духовное наследство оставили они своим детям, истинным героям нашего времени.

Для людей, о которых рассказывается в книге, быть

достойным своего времени, отвечать его требованиям — означает трудиться на своем месте гораздо лучше, чем вчера, большего желать, большего добиваться, отчетливо осознавая, что перестройка должна произойти не только на производстве, но в умах и душах, в сознании и сердце каждого человека.

Сегодня мы сильнее, чем вчера. Благоприятнее стал моральный климат, чище нравственная атмосфера. А значит, у каждого, кто стремится честным трудом заработать свое положение, для кого общие интересы и интересы личные тесно переплетены, стало больше возможностей проявить себя.

У нашего времени особый спрос на таких людей — кем бы они ни были по национальности: русскими, евреями, украинцами или латышами.

Время обязывает к равнению на тех, кто способен не просто делать дело, но делать его наилучшим образом, при высшем классе работы, на уровне лучших образцов. А это и есть уровень времени.

ОБРАЩЕНИЕ к авангарду пролетарской революции, к московским рабочим и работницам

Мы, кустари Тихонькой, — ворот Биробиджана, сегодня, 1 июня 1930 г., подвели итоги деятельности производственных артелей Биробиджана и работу присланной к нам на помощь Вашей рабочей бригады, решили сказать Вам несколько горячих, искренних пролетарских слов.

Мы Вам заявляем, что акт Советской власти о создании социалистического Биробиджана для трудящихся евреев мы повседневно облакаем в плоть и кровь путем производства материальных ценностей.

Мы закрепляем величайший в мире акт о создании еврейской социалистической административной советской единицы не только пламенными речами, лозунгами и флагами, мы его подкрепляем... крепкими повозками для дальневосточных таежных дорог, ладно скроенными и крепко сшитыми сапогами, ясеновыми удобными стульями, красным кирпичом и обожженной известью...

Нас не утрашили дикие вопли и подлая ложь наших классовых врагов — сионистов, клерикалов, богачей и их подпевал, пугавших

нас гнусом, ливнями и трудностями.

Мы — дети русской революции и таковых трудностей не боимся. Чем больше трудностей, тем больше энергии и упорства. Упорным трудом наших колхозников мы добьемся полного снабжения хлебом переселенческой массы...

За социалистический Биробиджан, за торжество революции во всем мире!

За коммунистическую партию!

(ГАЕАО, ф. 3, оп. 1, л. 1. 1930 г.)

За мир на планете Земля

Во внушительной пачке писем, хранящихся у нее, есть конверты с таким адресом: «Москва. Комитет советских женщин, Файман Ф. Л.» А ведь Фейга Лейбовна — дальневосточница. Живет она в селе Валдгейм и работает в третьей овощеводческой бригаде колхоза «Заветы Ильича».

Труд Ф. Л. Файман отмечен орденами Ленина и «Знак Почета», медалями. Есть у нее золотая и серебряная медали ВДНХ СССР, а Почетных грамот — сразу и не счесть.

Коммунист Ф. Л. Файман — член Биробиджанского райкома КПСС, депутат Валдгеймского сельского Совета народных депутатов. И вот уже восемнадцать лет представляет область в Комитете советских женщин.

— Фейга Лейбовна, какие проблемы решают члены Комитета, собираясь вместе? — с этого вопроса началась беседа журналиста В. Помилуйко с передовой труженицей и активной общественницей.

— Многие. В частности, о создании таких

условий труда и быта советским женщинам, которые позволяли бы им успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной деятельности. Правда, в этом направлении особых усилий нашего Комитета, по сути, и не требуется. ЦК КПСС и Советское правительство постоянно проявляют о женщинах заботу. Вспомните: что ни пятилетка, то новые льготы для женщин-матерей, улучшение условий их работы, отдыха.

С особой гордостью я, как и мои подруги по работе, восприняла предложение партии возродить советы женщин в трудовых коллективах, по месту жительства, объединив их в единую систему во главе с Комитетом советских женщин. Не сомневаюсь: тогда женщины смогут более активно воздействовать на решение широкого круга социальных вопросов жизни нашего общества.

— Одно из главных направлений деятельности Комитета — борьба за мир.

— Совершенно верно! Наш председатель Валентина Владимировна Терешкова — первая в мире женщина-космонавт — не устает об этом напоминать: борьба за мир — главная забота Комитета.

— Помнится, Фейга Лейбовна, вы рассказывали, что в ответ на вашу статью в журнале «Советская женщина» пришли десятки писем-откликов не только из краев и областей страны, но и из-за рубежа, в том числе из Израиля. Напомните, о чем там шла речь.

— ...Не смогла я стерпеть лжи сионистов, уверявших мир, что евреи в Советском Союзе притеснены и нуждаются в защите. Вот и написала: «Я бываю на заседаниях правления

нашего колхоза. Я вижу рядом сидящих евреев, русских, украинцев, представителей других национальностей. У них нет разногласий — политических, социальных, нравственных, они отлично договариваются обо всем. Потому что говорят на одном языке — языке братства».

— Однако, Фейга Лейбовна, поссорить народы стремятся не только сионисты, но и американские «ястребы», мечтающие о земных и «звездных войнах».

— Наш Комитет делает все, чтобы на защиту мира встали все женщины планеты Земля. Члены „Комитета, принимая иностранные делегации, бывая за рубежом, рассказывают правду о политике нашей страны, о мирных инициативах ЦК КПСС и Советского правительства, разоблачают миф о советской или коммунистической «угрозе».

Ведь женщины — это прежде всего матери. А какая из них не желает счастья своему ребенку? Оно возможно только в мирных условиях жизни на Земле.

Впрочем, за мир надо бороться и на каждом рабочем месте. Укрепляя экономику Родины, мы тем самым увеличиваем ее мощь — создаем надежный заслон войне. Об этом всегда помнят мои подруги по бригаде Нина Вольфсон, Мария Шарикова, Лидия Редькина, Валентина Кулакова, Надежда Цветкова. Помнят и стараются сделать все, чтобы вклад бригады в процветание Родины был как можно весомее.

— Спасибо за беседу. Желаем вам и всем женщинам колхоза счастья, благополучия, успехов в труде, мирного неба.

На погсах бескрайних
выросли совхозы...

«После гражданской войны и восстановления Советской власти в Биро-Биджаке сельским хозяйством использовалось лишь 19,2 тыс. га».

Из информационной справки Центрального правления Озета. 1928 г.

Н. АИЗМАН

Что оставим в наследство?

ПО ХЛЕБНОМУ ПОЛЮ ИДУТ ДВОЕ. Один в видавшей виды кепчонке, полотняной рубашке навыпуск, тяжелых сапогах. Второй в легкой спортивной курточке, джинсах. Идут вдвое рядом, шаг в шаг, по пашне, засеянной их руками, радуясь доброму хлебу. Отец и сын...

Так исстари ведется. Приходит время, и повзрослевшие сыновья принимают на себя заботы старших. Может быть, смысл жизни в том и состоит, чтобы холить эту взлелеянную отцами пашню, чтобы бесконечное множество раз повторять себя в грядущих поколениях...

Помню, в Еврейской автономной области, в Головинском совхозе, возле недавно отстроенного животноводческого комплекса, мы разговаривали с бригадиром, когда раздался рокот двигателя и из-за поворота выскочил трактор Т-20. Есть такой миниатюрный трактор в селах, используемый для всяческих хозяйственных нужд. В кузове виселось несколько мешков, должно быть, с зерном. Тракторист, минув нас, глянул в мою сторону и улыбнул-

В 1915 году крестьянин села Биджан И. К- Журавлев писал в журнале «Амурский земледелец», что биджанские хлеборобы «мало заботятся о чистоте семян — залоге хорошего урожая». Сетовал он и на оторванность села от других населенных пунктов, плохие дороги, из-за которых опаздывает почта... Пашня в те годы составляла всего 270 десятин.

Жизнь изменилась. И не только потому, что посевные площади области равны сейчас 160 тысячам гектаров, а города и поселки связали надежные шоссейные дороги, благоустроились дома, богаче и интереснее стали жить люди. Это, в конце концов, естественно. Время не может стоять на месте. Важно другое: изменилась психология крестьян, прошедших вместе с хозяйствами области путь от членов небольших коммун до работников знаменитых на весь край колхозов и совхозов. Настоящим земледельцем сейчас называют того человека, который умеет мыслить по-государственному, способен зажигаться идеями времени, соответствовать ему своим трудом двигать его вперед.

Эта книга открывается рассказами о сельских тружениках области, о социальных переменах, происшедших в деревне за годы Советской власти, о преемственности поколений.

ся, точно встретил доброго знакомого. Я кивнул в ответ, сознавая, что где-то уже видел и эту улыбку, и эту манеру сидеть за рулем — раскованно, слегка откинув голову. Трактор скрылся за бетонными телятниками, рокот двигателя сделался глуше, потом и вовсе растаял. С человеком этим я, несомненно, встречался здесь, в Надеждинском... Емельянов?

— Совершенно верно, Емельянов Михаил Иванович, — подтвердил бригадир.

Трактор между тем, оставив свой груз, вновь затарахтел рядом. Вновь улыбнулся мне водитель. Я жестом попросил его затормозить, он спустился, и мы обменялись крепким рукопожатием. Сколько же не виделись? Семнадцать лет. Не скажу, чтобы время сильно отразилось на нем. Разве что заметно побелели виски, и не стало прежней стремительности в походке.

Мы отошли в сторону, присели. Вспомнили первую встречу. Тогда Михаил рассказал о себе, и так рассказал, что уже давно, помню, звездное небо накрыло село и блокнот мой был исписан, но я все не спешил к машине. Он говорил о годах далекого детства. Об отце, матери, братьях...

Отец привез их в Надеждинское из Курской области в сороковом году. Скажи кто-нибудь тогда отцу, Ивану Емельянову, что скоро снова придется пересечь ему всю страну, теперь уже с востока на запад, ни за что бы не поверил. Зачем?

Правда, Надеждинское, где они поселились, село не ахти какое видное. И от железной дороги за сотню верст. Но какие в округе чистые дубовые релки, зеркальные озера! А некоше-

ные луга за селом! Нет, тут можно корни крепко пускать! Был Емельянов плотником, и срубил он себе украшенную резными наличниками избу.

Но вскоре Ивану пришлось покинуть новый дом, жену Евдокию, сыновей и пуститься в далекий путь, стать солдатом. Родина позвала его в грозный час войны.

Михаил хорошо помнит, как на площади в центре села, у колхозного правления, они тогда расстались. На отце были старенькая телогрейка, лохматая ушанка. За плечами мешок: с двумя буханками свежеепеченного хлеба да добрым куском свиного сала.

— Ну, Евдокия, держись тут без меня...

Отец хотел еще что-то сказать, но отвернулся, кашлянул, провел рукой по лицу...

— Ива-ан! Дава-ай! Скорее! — На морозе пофыркивал грузовик, из кузова которого махали мобилизованные односельчане.

Отец заторопился...

Евдокия с ребяташками долго еще стояла у правления. Брат Лешка в ту пору едва научился ходить, Колька был чуть постарше. А Михаилу исполнилось четырнадцать лет, и той же зимой он записался на курсы трактористов при МТС.

Машинный двор надеждинского колхоза «Культура и труд» насчитывал четыре изношенных трактора. Кроме Михаила и Вити Ташлыкова там числились еще Оля Молчанова и Таня Кузнецова. Витька был бригадиром. Это значило, что кроме хлопот со своим трактором, он должен еще в случае нужды (а приключалось это, считай, каждый день) искать у других тракторов запропавшую не-

известно куда искру, проклиная на редкость неподатливые заводные ручки.

И ведь работали, черт возьми, эти ребята и многие, многие такие же, как они! Пахали, сеяли хлеб. Кормили хлебом тем армию, города.

«Молодец, сынок. Ждите после победы!..» — писал с фронта отец. Но... «рядовой Иван Семенович Емельянов героически погиб, защищая твердыню на Волге, город Сталинград», — так было написано в похоронке.

На дворе лютовал декабрь сорок второго года. Избы по самые окна завалило снегом, и над улицами, над лесами, над оледеневшими озерами нависло холодное, безучастное к людскому горю небо. Отцу было 32 года. Мертвые остаются молодыми...

Михаилу во время нашей первой встречи (семнадцать лет тому назад) исполнилось тридцать восемь. Он давно был женат, воспитывал двоих сыновей и двух дочерей. С годами отцовский дом стал тесен — пришлось строить рядом новый, более просторный. И почти в четверть века исчислялся трудовой стаж Емельянова как тракториста. И по-прежнему жил он в Надеждинском, где прошли детство, юность, где он простился с отцом и впервые объяснился в любви девушке. Правда, нынешнее село не сравнить с тем, каким оно было прежде. Новая школа, магазин, клуб, медпункт, удобные, красивые дома. На месте зарослей орешника — новый поселок для приехавших из Орловской и Ивановской областей. Михаил на правах депутата сельского Совета встречал, устраивал вновь прибывших. И был от души рад, если оказывался среди

них тракторист или комбайнер. Сельского механизатора он почитал за крупнейшего человека. Для него, во всяком случае, профессия эта стала единственной на всю жизнь.

Считался Михаил Емельянов специалистом по сое и пшенице. А в начале 60-х годов принялся возделывать картофель. Разговор тогда состоялся в Надеждинском: почему картофель не удастся? Научились ведь снимать хорошие урожаи овощей, кукурузы, ячменя, пшеницы. Земли вроде неплохие, техника, удобрения есть. Бригадир и управляющий решили, что должен за картофельным полем ходить человек старательный. Когда это предложили Михаилу Ивановичу, возражать он не стал. Надо так надо. Вскоре о работе звена Емельянова заговорили.. Забегая вперед, скажу, что нынче этой культурой занято 650 гектаров и собирают с каждого по 140 центнеров картофеля. Истоки этих достижений — в тех далеких шестидесятых годах, в неутомимом новаторстве и редком трудолюбии звеньевоего Михаила Емельянова, отмеченного тогда высочайшей правительственной наградой — орденом «Знак Почета»...

Это рассказ о нашей первой встрече с Емельяновым. А спустя некоторое время я снова приехал в Надеждинское: к празднику Победы открывали обелиск в память о земляках, не возвратившихся с войны. Митинг состоялся на той площади в центре села, где некогда прощался с семьей колхозный плотник Иван Семенович Емельянов. Тогда это был пустырь, а сейчас тут все ухожено, растут стройные березки, тополя. Михаил Иванович поддерживал под руку мать. Рядом молча, торжест-

венно и печально стояли братья Николай и Алексей. Семьи Горожанкиных, Лесковых, Васильевых — дети не вернувшихся с войны хлеборобов. Поколение, достойное своих отцов.

...Оставив приглушенно рокотающий трактор, мы прошли на площадь. Вымахали за эти годы хрупкие березы и тополя. Стоял один из тех удивительных дней бабьего лета, что так хороши в Приамурье. Багряные листья деревьев, побитые первыми утренниками, еще цепко держались за ветки. У подножия обелиска полыхали георгины...

Михаил Иванович снял кепку, открыв помеченные густой проседью волосы. В это время подошел и встал рядом с Емельяновым человек, и, не спрашивая, я понял, это его сын, тоже совхозный тракторист, Александр Емельянов, внук Ивана Емельянова. И в самом деле, крепкие корни пустил на этой земле колхозный плотник — сыновья, внуки. И уж топчет ножками правнук солдата — Сережка Емельянов.

За селом Даниловка, что в десятке километров от легендарной Волочаевской сопки, есть Костяловский хлебный массив. Поодаль мелиораторы осушают земли, и место это на их картах обозначено Костяловской системой. Есть Костяловская протока. Релка на солнечном взгорье у села известна как Костяловская заимка.

Обычно название села или, скажем, луга, речки теряется в неведомой старине, и редко

кто помнит их происхождение. Но в данном случае иначе. В Даниловке человек 20 носят сейчас фамилию Костял.

Основатель рода, Василий Тобиашевич Костял, был чехом. В поисках лучшей доли он эмигрировал в Россию и уж затем, в 1907 году, с артелью переселенцев много дней добирался до Амура. Неподалеку от места, где потом появилась Даниловка, Костял обосновал заимку. Стояли огороженные березовыми жердями изба, сарай, банька. Рядом — полоска пашни под пшеницу и картошку. На релках в редколесье косили для лошади, коровы. Кормились еще рыбалкой. В крещенские морозы, уложив в розвальни пару мешков с зерном, мерзлой щукой, тряслись санным путем в Хабаровск на рынок. Вырученные деньги шли на одежку, сапоги, сбрую. Жилось на отшибе от мира скудно. Рабочую власть Костялы приняли всей душой. Словно вихрь ворвался тогда в их медвежий угол. Но из-за Амура все чаще слышались громы орудийных залпов. Появлялись пешие и конные люди — свои, русские, и чужеземцы. Приходили — и исчезали невесть куда. Однажды шел мимо верховья Тунгусский партизанский отряд хабаровского грузчика Ивана Шевчука, и сын Василия Тобиашевича Григорий попросился к нему. В отряде он оказался нужнейшим человеком, потому что превосходно знал местность и не однажды уводил своих товарищей от облав. Надежен был он в походе, бою.

Весной 1922 года Григорий Костял вернулся домой. В Даниловке образовалась коммуна, и красного партизана выбрали в правление. Вскоре он стал председателем пришедшего на

смену коммуне колхоза «Дальневосточный колхозник». Двадцать лет коммунист Костял был тут бессменным председателем, и слава Даниловского колхоза докатилась до самой Москвы. На Всесоюзной селхозвыставке для показа его достижений выделили специальный стенд. Потом уж, когда подошли годы и не под силу стала ноша колхозных забот, Григория Васильевича избрали председателем Даниловского сельского Совета.

Дожил Григорий Васильевич до 84 лет. На сельском кладбище в аккуратной оградке высится скромная пирамидка с пятиконечной звездочкой. Приходит сюда поклониться праху человека, роднее которого не было у него, старший сын Григория Васильевича — Василий. Биография у него удивительно похожа на отцовскую, разве что в гражданской не участвовал. Зато была в его жизни Великая Отечественная. В армию его призвали 27 июня 1941 года, неделю спустя после начала фашистского нашествия. Василий защищал Москву. Позднее их часть бросили под Курск, где назревала крупнейшая битва второй мировой войны. В тех местах формировался корпус Людвика Свободы. Костял, потомок чеха, вслушивался в знакомые с поры, когда еще жив был дед Василий Тобиашевич, слова. Чехи и русские встречались, делились табачком. Как могли, объяснялись:

— Дед твой из-за нужды покинул Чехию? Мы хотим, чтоб после Гитлера избавился наш народ от нужды и страданий. Чтоб счастливо жили, как при Советах. Понятно, друже?

— Понятно! — Ив крепком пожатии сплелись ладони солдат.

В одной из атак Василия Костяла тяжело ранило. Больше воевать ему не пришлось.

Фашистская пуля засела в нескольких миллиметрах от сердца. Так близко, что дрогнула рука у много повидавшего в войну фронтового хирурга. Бросил скальпель. После операции сказал Василию:

— Что ж делать, солдат? Носи... Память будет.

Солдат скорбно улыбнулся в ответ. После этого не раз смотрели Василия Григорьевича врачи, устраивали консилиумы и не решались оперировать; так и соседствуют сорок долгих лет заизвестковавшийся свинец и живое сердце.

Василий Григорьевич перебирает минувшее и уже в который раз повторяет, что в самые трудные минуты вспоминал отца, старался поступать так, как поступил бы он.

Я спрашиваю: остались ли какие-нибудь бумаги, документы отца?

— Большею частью они в музеях. В областном, районном. И у брата кое-что хранится. Его дом совсем рядом, пройдите к нему.

Владимир, бригадир совхозных плотников, моложе Василия Григорьевича четырьмя годами. Крепкий, плечистый, в «костяловскую породу», как он шутит. На бронзовом от ветра и солнца, жестком, крупных черт лице доверчиво светятся голубые глаза. Когда он смеется, вокруг них собирается сетка морщин, и лицо становится мягче.

Владимир Григорьевич только что пришел, не успел переодеться, от его рабочей куртки пахнет еловыми опилками, древесной смолой.

Листаем семейный альбом, перебираем содержимое резной деревянной шкатулки. Через отцовское плечо заглядывает вихрастый рыжеволосый Женька. Открывается дверь, входит еще парнишка, и я в первую минуту оторопело оглядываюсь: вылитый Женька! Те же огненно-рыжие волосы, веснушки... Потом догадываюсь *т*— близнецы. Этого зовут Димой. Теперь уже две пары горящих глазенок рассматривают дедовы документы, значки, медали. Осторожно касаются серебряных часов на массивной цепи. Огромные, с булыжник величиной. И весом они не меньше. Им полвека.

— А ведь тикают, окаянные, — ликует Владимир Григорьевич, — и время аккуратно показывают.

У Женьки с Димой лица тоже расплываются в улыбке.

Другие тоже с дарственной надписью. Алая подушечка с укрепленными на ней медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», золотая медаль Всесоюзной сельскохозяйственной выставки за номером 211. Еще серебряная, бронзовая медали выставкома.

Внушительная стопа Почетных грамот за 1924, 1932, 1936, за сороковые и пятидесятые годы. Грамоты эти, полуистлевшие от времени, на грубой, серой бумаге, — самое убедительное свидетельство жизненного подвига коммуниста ленинской гвардии.

Владимир Григорьевич принимает от меня бумаги, бережно укладывает их на место. Голова его седа, у самого уже внуки. Но священна память об отце. И священна земля эта.

— Я ведь, как и вся родова наша, даниловский. Школу здесь кончил. Потом служил в армии, воевал в сорок пятом в Маньчжурии. Во многих местах пришлось побывать. Но, понимаете, — Владимир Григорьевич многозначительно поднял указательный палец, привлекая мое внимание, — роднее и ближе Даниловки ничего нет! Каждый ручеек, каждый бугорок, речка — все свое, родное. Был на ВДНХ, на совещании передовиков сельского хозяйства в Москве. Пройдет неделя-другая, и уже так соскучишься по Даниловке! Словами даже трудно выразить. Мне кажется, если человек меняет одно, два места, то потом у него уже чувство родины теряется. Я всю жизнь здесь, это самое дорогое мое село. Ближе всего на свете!

...В Даниловке Костялы живут пятью дворами. Василий Григорьевич, Владимир Григорьевич, на той же улице усадьба сестры — Анфий Григорьевны. По мужу она Коротченко. Много лет вела уроки русского языка и литературы в школе. Заслуженный учитель РСФСР.

После Бабстовского сельскохозяйственного техникума вернулся в родное село сын Анфий Григорьевны — Сережа, механик по сельхозмашинам. Пятеро сыновей у Владимира Григорьевича.

У Василия Григорьевича Костяла в Даниловке три сына. Володя работает трактористом, Геннадий — в пятом классе. И еще Толя, Анатолий Васильевич Костял, — главный инженер Волочаевского совхоза, в состав которого на правах отделения входит теперь Даниловка.

С Анатолием Васильевичем, в ту пору даниловским механизатором, мы познакомились еще в 1975 году. Стоял жаркий полдень. Мы долго колесили по полям, потом свернули в сторону, и Анатолий остановил машину у березовой рощицы, где едва различишь следы дедовой заимки.

Внук Григория Васильевича Костяла задумчиво смотрит на все эти знакомые до каждой травинки места. Он ладно скроен. Ветер треплет его мягкие волосы цвета спелого льна. Лицо светится здоровым румянцем, всем, чем так щедро наделяет нас молодость.

Главным инженером Анатолия Васильевича назначили недавно. Удобней было бы теперь ему жить в Камышовке, на центральной усадьбе. Но никакими силами не оторвать Даниловку от сердца. Здесь его дом. И каждое утро ездит за несколько километров на работу.

У деда в колхозе было два колесных трактора «Универсал» да еще изношенная на сельских дорогах полуторка. Несколько плугов, дюжина борон — вот и весь инвентарь. Под началом внука — 108 тракторов различных марок, десятки комбайнов, обширный автопарк. Да разве только в этом перемены? Камышовка — центральная усадьба совхоза — со стороны выглядит городом в степи. Двухэтажные жилые дома с коммунальными удобствами. Прекрасный Дом культуры. Торговый центр с гостиницей, столовой, бытовыми службами.

Животноводческий городок на окраине. А за ним, куда ни глянешь, поля. И еще дальше, в едва различимой дымке горизонта, угадывается Даниловка — тоже разросшаяся, с

добротными домами по обеим сторонам улицы, с частоколом телевизионных антенн над крышами и другими приметами современного сельского пейзажа.

Главный инженер поглощен массой забот, связанных с севом, близкой сенокосной порой. Но не забывает он и проблем, которые ему следует решать в течение пятилетки и более долгого времени. Нужно наладить комплексную механизацию на фермах, построить дворы для совхозной техники...

Я слушаю спокойный, глуховатый, присущий всем Костялам голос. И невольно думаю: если бы возможно было вернуть события давно минувшие, если бы сквозь прогмевшие над миром десятилетия явился вдруг на землю эту патриарх Василий Тобиашевич Костял! Увидел бы он новую Даниловку, увидел, как по широкой, в звонких после освежающего дождя лужицах улице спешат в школу Танюшка и Юра — дети Анатолия Васильевича Костяла. Пятое поколение хлебоборобской династии...

Сейчас много пишут о закреплении молодежи в селе. Сетуют на слабую социальную базу. Нисколько не оспаривая закономерности данного аргумента, позволю себе привести здесь не менее, на мой взгляд, важное условие наследования молодежью профессий отцов. Имеется в виду уклад жизни сельской семьи, трудолюбие родителей, их преданность земле, доставшейся им, в свою очередь, от отцов и дедов. Ибо, вне сомнения, в семье, где отец бражничает да еще по каждому поводу кланет последними словами бригадира, агронома, а заодно скопом и все здешние порядки, там дети никакой привязанности к хлеб-

ному полю не воспримут. Уедут, едва оперившись. А ежели и закрепятся на месте, то чаще всего скопируют «обожненного богом и людьми» родненького батю.

А вот подтверждением вывода о преимуществах в благополучных семьях как раз и служат люди, о коих речь идет в этом очерке.

Молодое поколение династии... Они, вставшие теперь вровень с отцами, вне сомнения, во многом превосходят их. У большинства среднее образование. В их распоряжении новейшие машины, снабженные автоматикой, гидравликой. Но с них больше и спросится! Их трудовая биография начинает складываться в пору интенсивного ведения сельского хозяйства.

В Дежневском совхозе мне показали внушительную стопу заявлений, начинавшихся одинаковой фразой: «Прошу принять на работу в качестве тракториста». Дело не только в престижности профессии сельского механизатора. Заявления эти от вчерашних десятиклассников, а в здешней школе курс сельского машиноведения включен в обязательную программу. После школы с документом об образовании дают свидетельство о присвоении профессии тракториста-машиниста III класса. Закончится выпускной вечер — и хоть завтра, если желание будет, милости просим в тракторную бригаду. Так пришли сюда оба сына Николая Васильевича Любина, знатного кукурузовода, депутата Верховного Совета СССР. Пополнили ряды сельских механизаторов недавние десятиклассники Сережа и Володя Ушаковы, сыновья управляющего первым отделением совхоза. И многие другие.

В данном случае прослеживается четкая линия: средняя школа — совхоз. Более привычная для нас схема: школа — СПТУ — совхоз.

Хотя в Дежневе, случается, схема приобретает и такую форму: школа — сельхозинститут — совхоз. Своеобразие здесь в том, что молодые люди получают в вузе совхозную стипендию, поступают туда по совхозной путевке. И уж, конечно, совхоз станет учить только тех, на кого он вправе рассчитывать в будущем, кому он доверяет. Кто знает, будет ли прок от прибывшего по разнарядке сельхозуправления начинающего агронома или инженера? Не из тех ли он городских ребят, что с огорчением перенесли документы в сельхозвуз после провала в иной, более престижном, с их точки зрения, институте? А здесь вернется с дипломом свой, «крестьянская косточка».

Мы ведем речь о сыновьях. А что же дочери? К чему готовит их школа? Девчата в Дежневе проходят все тот же курс машиноведения, получают ту же профессию, что и парни. Но среди местных механизаторов нет ни одной женщины. И удивляться этому не следует. Работа на комбайне, на тракторе в условиях Приамурья, в общем-то, занятие для мужчин, и до осуществления планов сельского механизаторского всеобуча еще ох как далеко.

Вот и получается, что у парней начало трудовой биографии складывается неплохо, тут никакой неопределенности. А у девушек это нередко происходит через сомнения, разочарования. Одни уезжают в город, на фабрики (я тут исключаю тех, кто продолжает учебу

в вузах и техникумах). Те, кто остается (или возвращается вскоре к маме, так и не привыкнув к гомону фабричных общежитий), устраиваются куда придется, реже на ферму. Хотя именно там необходимы женские руки.

Девчата в классе проходят курс домоводства. Слов нет, умение кроить, стряпать, убирать дом нелишние будущим мамам и женам. Но ведь в самом деле — не домохозяйка же готовит школа! Вполне резонно в учебной программе предусмотреть классные часы по ветеринарии, зоотехнии. И после десятилетки вручать дипломы доярки, телятницы, свиначки.

Этого нет в Дежневе. Этого нет ни в одной средней школе Хабаровского края.

К сожалению, основы животноводства не входят в программу и сельских профтехучилищ. Там готовят и трактористов, и бульдозеристов, и экскаваторщиков. Но только не доярок или телятниц. Вне сомнения, в этом одна из причин острого дефицита кадров в животноводстве. В самом деле, почему на механизатора учат, а на доярку нет? Видимо, здесь дань прошлому, когда считалось, что в полеводстве техника, машины, а на ферме подойник, скамеечка — вот и весь инвентарь. Так было, спору нет. Девушки приходили па ферму, через несколько дней пальцы приобретали нужную гибкость, накапливая опыт, — и готовая доярка. Но ведь теперь животноводство как отрасль все больше становится на индустриальные рельсы. Убедиться в этом нетрудно, побывав на молочных комплексах в Некрасовке, в Чернореченском, Лазовском, Бабстовском совхозах. Да и вообще, вручную теперь, за редким исключением, коров нигде не

доят. А современные доильные аппараты, кормовые и навозные транспортеры, система автопоения требуют знаний, и немалых. Не случайно ведь теперь на комплексах доярок именуют мастерами машинного доения. И даже устраивают ежегодно конкурсы на лучшего из них. А где же готовят этих мастеров? В зооветкружках, скажете? Так ведь это для работающих, для штатных животноводов. А начинающие приходят на ферму нередко без малейшего представления о механизмах, которыми следует пользоваться. Как бы имгодились приобретенные в школе знания!

По традиции молодых доярок сейчас, как это водилось исстари, закрепляют за опытными. В роли наставниц выступают и мамы-доярки. Но следует учесть, что доярки старшего поколения (не в обиду им говорю — они свое дело делают безупречно) просто не обладают необходимой для обучения суммой знаний. Девушка, переступающая порог фермы, обязана знать основы физиологии животных, иметь понятие о заболеваниях скота, об элементарных методах его лечения, о требованиях санитарии.

Тут есть о чем подумать краевым отделу народного образования, управлению по профессионально-техническому образованию и сельскохозяйственным органам.

Завтрашний облик села, его экономический и социальный уровень, его демографическая структура зависят от наших сегодняшних действий, от того, как и чему учим молодежь, что оставим мы ей в наследство.

• D •

«Еврейские трудящиеся массы в Российской Социалистической Федеративной Республике имеют свою социалистическую Родину. Еврейский вопрос в Советской России больше не существует. Еврейские рабочие и трудящиеся массы имеют все гражданские и национальные права».

Из заявления Комиссариата по еврейским делам и Центрального бюро еврейской коммунистической секции Российской коммунистической партии. 1919 г.

И. ШОЛОХОВА

И прорастет зерно...

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА ДАТУ ПОД эпиграфом — 1919. И двух лет еще не прошло с момента установления Советской власти, еще шла война, еще много вопросов предстояло решить молодому государству, но один твердо и без околичностей был объявлен решенным, а именно — вопрос еврейский. Потому что еврейского вопроса в нашей стране существовать не может, как не может существовать вопроса татарского или узбекского. Потому что мы — интернационалисты. И миллионы евреев на своей судьбе убедились, что не ради красного политического словца прозвучали в их далекой голодной юности эти простые нелукавые слова: «Еврейские рабочие и трудящиеся массы имеют все гражданские и национальные права». Сейчас уже ходят в школу правнуки тех, кому в 1919 году было 17—20 лет, как деду знаменитого механизатора Якова Копылова.

...Дом Копыловых стоит на центральной улице села. Такой же, как и другие, соседние. Вот только почтовый ящик укреплен на калитке: когда в селе устанавливали стандартные коллективные ящики-ячейки, Копыловым оставили прежний. Ведь у депутата Верховного Совета РСФСР переписка не только личная, ему шлют письма избиратели, приходят ответы на депутатские запросы. Это учли сельские связисты.

Еще пять лет назад жизнь Якова Копылова мало чем отличалась от жизни его сверстников-односельчан. Работа, дом, семейные заботы, увлечения. И такое течение дней казалось нормальным, о чем-то особом не мечтал, все его расчеты стояли на прочной основе — на земле. Став депутатом, он научился смотреть на все глазами государственного человека, а личный интерес отошел куда-то в сторону. Но расчеты свои по-прежнему строит на земле. Земле, на которой вырос, стал работать, земле, на которой стоит его дом и растут посаженные его руками деревья.

Родительский дом — вот он, напротив. Когда-то был шумным, многоголосым — девять детей вырастили Бэлла Тимофеевна и Илья Лазаревич Копыловы. Сыновья подрастали, уходили на службу в армию, дочери уезжали учиться. Все пятеро сыновей вернулись в село, справили в родительском доме свадьбы. Дружно живут Копыловы, растет семья. Шестилетняя Аннушка стала как-то считать, сколько у нее братьев и сестер — едва до половины дошла, а на руках все пальчики уже загнуты. Сколько помнит себя Яков, все в их семье много работали. Днями пропа-

дала на ферме мать, отец на весь день уезжал в рейс, младшие хозяйничали по дому. Воспитывали дело, забота друг о друге. Здесь не играли в работу — работали. На ферме, помогая матери — телятнице, на огороде, сажая или убирая картошку.

Отец хотел, чтобы сыновья полюбили технику. И добился своего. Шофером стал старший сын Игорь, трактористом — Ефим (он потом перешел на службу в милицию). Яков был третьим из братьев. После восьмилетки тоже поступил на курсы. В 1968 году вспахал свою первую борозду. После этого чувствовал себя так, словно совершил что-то невероятное. Домой пришел чумазый, улыбка во все лицо.

Крепкую жизненную основу дал своим сыновьям Илья Лазаревич Копылов, коммунист, рядовой колхозный труженик. Мне рассказывали, как боялись этого человека любители поволынить. Одно его появление подстегивало их. Три года назад Ильи Лазаревича не стало. Впервые не радость, не праздник, а горе свело детей под родительский кров. Все село провожало старейшего колхозника в последний путь. А Яков, стоя у могилы, думал о том, как мало все же знали они своего отца. Не любил он говорить о себе. «Пусть лучше люди о тебе скажут», — наставлял сыновей.

Потом, когда Якову Копылову самому довелось быть в центре внимания, когда на предвыборных встречах люди говорили о нем, своем будущем депутате, разные добрые слова, он не раз вспоминал слова отца — «пусть люди о тебе скажут».

Яков возмужал рано. Парни из таких семей всегда взрослеют раньше своих сверст-

ников. Став депутатом, он проникся какой-то особой ответственностью, словно депутатство прибавило ему несколько лет. Люди шли с просьбами, жалобами, присылали письма. Надо было добиваться исполнения и тех наказов, которые были даны ему на предвыборных встречах. И порой он удивлялся самому себе: откуда все взялось? Сознание долга рождало настойчивость в достижении цели.

Биробиджанское городское управление жилищно-коммунального хозяйства просило депутата помочь в укреплении материальной базы. Город растет, строится, а техники для поддержания в порядке жилого фонда не хватает. Копылов написал не одно письмо в соответствующее министерство, но решения вопроса добился — выделили биробиджанским коммунальникам шесть автомашин.

Рядом с домом Копыловых — сельский Дом культуры. Вечерами Яков с женой Наташей приходит сюда. Не каждый раз, но если концерт, «голубой огонек» или вечер какой, то уж идут обязательно. Был ему и этот наказ: построить новый или посодействовать ремонту Дома культуры в родном селе Валдгейм. Специалисты прикинули и решили — выгодней пока ремонт. Постройка крепкая, помещения просторные. Ремонт прямо-таки омолодил сельский ДК.

За годы своего депутатства Копылов научился рассчитывать время. Но его все равно не хватает. Книги приходится читать, урывая время у сна. С поля или фермы иной раз возвращается, когда жена дочек спать давно уложила.

Летом Яков растит картофель. Со своим по-

мошпиком Сергеем Стародубовым обрабатывает поле в пятьдесят гектаров. Уже четвертый год. Механизаторам помогают школьники из производственной бригады. Переборка, наращивание клубней перед посадкой — это их работа.

— Большими урожаями пока похвалиться не можем. Правда, урожайность ранних сортов довели до 150 и больше центнеров с гектара. У нас только десять гектаров раннего.. А нам, считаю, выгодней иметь больше: город под боком, в июле на картошку спрос всегда большой, — говорит Копылов.

— Что же мешает?

— С уборкой трудности. Людей не хватает. Что-то происходит в селе с молодежью. У нас в колхозе трактористов не хватает, есть свободные тракторы. Удивляюсь на наших ребят: в шоферы еще как-то идут, а в механизаторы — с меньшей охотой. И, думаете, почему? Примера не хватает. Семейные связи как-то утрачиваются, обрываются. Наш отец хотел, чтобы мы на земле работали. А есть родители, которые рассуждают так: сами, мол, всю жизнь в земле копаемся, пусть хоть дети по-другому проживут, по-чистому. Со своего же дерева ветки обрубает!

Так рассуждает тридцатидвухлетний Яков Копылов, возраст которого не очень-то далеко ушел от возраста тех, кто начинает сегодня свой самостоятельный жизненный путь. А ведь у него за плечами семнадцатилетняя трудовая биография.

Зимой рабочее место Копылова — ферма. Каждый год, поздней осенью, когда поля перепажаны и покрыты первым легким снегом,

Яков переоборудует свой МТЗ на подвозку кормов. Нынче он обслуживает ферму молодняка и коровник-селекционер. Яков. Ильич хорошо понимает, насколько важна его работа. В последние годы дела в животноводстве ухудшились. Теперь понемногу вроде бы стали поправляться. Телкам и нетелям улучшили рацион. В специальной бочке Копылов привозит из кормоцеха густую кашу, телятницы разбавляют ее теплой водой и дают это пойло телочкам. Силос, сено, добавки, пойло — стали расти привесы.

— Мне только не нравится то, что племенного отбора на ферме нет, — говорит Копылов. — Помню, работала в колхозе зоотехник Бася Михайловна Пискун. Она сама отбирала телочек от наиболее продуктивных коров. Их держали в отдельных клетках, кормили отдельно. Нет сейчас у нас в колхозе такой Баси Михайловны, и жаль...

Разговор снова заходит о депутатских заботах. Яков Ильич вспоминает встречи с избирателями в Биробиджане, Смидовиче, Ленинском. Волновался, как и тогда, пять лет назад. Но теперь это было волнение уверенного в себе человека. На особой заметке он держит три наказа: помочь построить АТС на 1500 номеров в Биробиджане, новую школу в селе Птичник, улучшить дорогу от Смидовича до Хабаровска.

Говорит Копылов неторопливо, словно взвешивая каждое слово. В колхозе «Заветы Ильича», где он работает, многие считают его неразговорчивым. Он и вправду не любит пустые, праздные разговоры. Это у него тоже от отца.

Хорошие всходы появляются на доброй земле и вырастают из добрых зерен. Такой доброй почвой была для Якова его семья. И проросло зерно, налилось, окрепло, набрало силу. Прочно стоит сегодня на земле Яков Копылов, механизатор, коммунист, государственный человек.

...За окном поздний вечер. Дети спят, в доме натоплено, уютно. Теперь можно и почитать. Какую выбрать книгу? Обычно он предпочитает что-то на военные темы. Но на этот раз решил перечитать «Ивушку неплачущую» Алексеева. Она о сельской жизни, ее герои близки и понятны ему. И долго еще будет светиться за окном мягкий свет настольной лампы.

• • •

29 ноября 1934 г. оргбюро крайкома ВКП(5) по Еврейской автономной области отметило, что поголовье крупного рогатого скота в области составляет 4751 голову.

В. ФОМЕНКО

Первая трехтысячница

ДОЯРКУ ВАЛЕНТИНУ НИКОЛАЕВНУ Разоренову в совхозе вам охарактеризуют такими словами: «трудолюбивая», «старательная», «добросовестная»... И все это, конечно же, будет верно. Но за привычными словами, хоть и истинно справедливыми, человека, согласитесь, не разглядишь. Да и мало ли на том же Горненском комплексе

работников трудолюбивых и старательных) И потом, если человек старательный, то не от доброй ли совести его это идет?.. Вот и выходит, что даже самые верные слова о человеке не столь уж много скажут. Сам управляющий комплексом — уж на что точно да веско слово произнести умеет (скажет, как припечатает!), — так он и то о Разореновой отозвался скуповато:

— Она все трудами рук своих берет. Успехи она упорством великим завоевала.

Однако вижу, хмурит брови мой собеседник: вроде как не совсем то сказал, что хотел. Оно и правда ведь: кому и где успех без труда и упорства достается?

— Да вот, смотрите, — продолжил Селиванов. — Сейчас на ваш«х сколько? Правильно: десять тридцать. Где у нас в это время доярки? Дома они. Потому как утренняя дойка закончилась, а до обеденной еще далеко. Ну а Разоренову вы возле своих коров найдете... Да нет, никто ее к этому ничуть не принуждает. А вот такой уж она человек заботливый. Есть работа — делает, нет работы — она обязательно ее найдет себе.

...Минут через пять в кабинет управляющего вошла сама Валентина Николаевна, невысокая смуглая женщина средних лет. Немой вопрос во взгляде: «Вызывали, Андрей Семенович?»

— Вот. Беседуйте, — поднимаясь из-за стола, кивнул управляющий. — А я отлучусь пока. К нам ведь теперь корреспонденты (это уже мне) через день да каждый день ездят. Ну — привыкаем. Опытom делимся, значит. А ты, Николаевна, посмелей, посмелей! Те-

бе-то есть что сказать.

Хлопнула дверь, ушел Селиванов.

— А строгий у вас, видно, начальник-то, Валентина Николаевна?

— Не знаю. Может, и строгий. Хотя это для кого как, — смущенно улыбнулась доярка. — Опять же и без строгости нельзя. Комплекс у нас, сами видите, немаленький. Людей сколько, техники всякой... за всем углядеть надо, везде порядок нужен. Да и зима сейчас.

Лицо... Голос... Где-то, мне кажется, я встречал доярку Разоренову.

— Вы на первом отделении Бабстовского совхоза не работали? Ну, лет десять, скажем, назад?

— Работала. Давно уж это. Сейчас в самом Бабстове живем. И тут уже я не первый год, на комплексе-то. Теперь и дети выросли. Две дочки тут же у меня. Санитарками работают. Наташа и Марина. Летит времечко. Внучата уж пошли.

...Здешнему животноводческому комплексу лет тоже как будто немало. Строился он еще в семидесятых. Потом началось его освоение.

Валентина Николаевна Разоренова и тогда работала здесь, на комплексе. И доила, и кормила, и старалась. В общем, дело она свое делала. Терпеливо, сосредоточенно, привычно, как и всегда. Не было заметных успехов, высоких надоев? Да, высоких действительно не было. Потому как комплекс — это все-таки комплекс. И само это слово-то значит «связь», «соединение», «общность». И не так оно просто — в «средней» или тем паче в отстающей бригаде добиться каких-то

там исключительных показателей, намного оторваться вперед от остальных. Ведь разве удои от одной только доярки зависят? Если бы! Корма, к примеру, доярка не готовит, помещения не ремонтирует, работа технических средств по большей части тоже от нее не зависит. Да и дисциплина тех же скотников... Ведь ферма — часть хозяйства, а хозяйство — категория все-таки общественная. Вот о чем забывать не надо.

...В августе 1984 года животноводческий комплекс Бабстовского совхоза стал Горненским, перешел во владение нового хозяина. Да, именно так — хозяина. Вот тогда-то на этом дотоле «трудном» объекте и объявили войну застарелой текучке. Из складов вытащили на свет божий порядком запылившееся оборудование, частью все еще «не-до-освоенное», заработали слесари-монтажники, строителям дел немало тоже нашлось — время-то как раз к зиме шло... Всколыхнулись люди и в животноводческой бригаде: может, и изменится теперь обстановка на ферме? Поправятся дела? Вон, смотри-ка, горненские-то руководители с утра до вечера на комплексе...

«Обстановка не изменится, товарищи, до тех пор, пока все до одного за дело не возьмемся. И как следует!» — вот такие слова прозвучали на одном из первых собраний животноводов теперь уже Горненского комплекса. И как только ферму закрепили за новым хозяйством, в дойном стаде тут же ввели трехкратную дойку: вот, дескать, товарищи доярки, первая вам возможность показать свое желание работать лучше, чем прежде. Суточные надои, как и предполагалось, начали под-

ниматься, но сразу же объявились и недовольные такой переменой: а не круто ль новое начальство берет? Так и народ поразбегится. А людей и без того негусто.

— Были такие недовольные. Да и не на словах только, — вспоминает управляющий Селиванов. — Как-то смотрю: сидят скотники кучкой, разговор у них веселый да интересный идет. А коровы тем часом разбрелись и сено топчут. Подхожу к пастухам: «В чем дело?» — «А в чем? Да ни в чем. А ежели вы о коровах, так попробуй собери их, если изгороди кругом поломаны». Я — на коня: «А ну, дай-ка свой кнут!» Усмехается один: «Давай-давай, начальник. Если, конечно, что получится». Собрал я коров, изгородь кое-где подправил. Там и делов-то было... Вижу, попримолкли мои ребята. В общем, всяко приходилось действовать, чтоб порядок навести. И мытьем, и катаньем.

Валентина Николаевна Разоренова была и свидетельницей, и активной участницей перемен на комплексе. Опыт профессиональный у нее был — не занимать. А приобретала она его отнюдь не в условиях высокомеханизированной фермы (мы уже упомянули, что Разоренова прежде работала в селе Горном, а там как раз коровники не из новых). В общем, все, что в животноводстве можно делать руками, вилами и лопатой, делать Валентина Николаевна умела преотлично. Да и жизненная школа у нее была, что называется, основательной. Когда в семье десять братьев и сестер, дети — особенно сельские — к труду растут привычные и прилежные. Необходимость — воспитательница строгая и уж чего-

чего, а лени никогда не простит. Так что и огород, бывало, сажали всем «гуртом», и сено косили семейной «бригадой». Картошка молодая появится — в доме торжество, корова по весне отелится — праздник светлый! Там, в далеком детстве, многое для нее ростками малыми началось, чтобы вырасти с годами, сложиться и окрепнуть чертами характера, стать натурой человека работающего.

— Коров я люблю, — просто, безо всякой рисовки сказала Валентина Николаевна. — По душе мне это — хлопотать возле них. И как их плохим уходом обижать можно? А эту группу, что сейчас у меня, сама я набирала, сама раздаивала. Конечно, и повозиться пришлось. Да я на часы не смотрю... Коровы неплохие вышли. Да у нас теперь на комплексе каких попало в стадо и не возьмут. А мои — по второму телку уж. Сорок голов у меня в группе, ровным счетом сорок.

Помолчала, задумавшись, и вдруг — будто тень по лицу:

— Вот. Другие, бывает, и позавидуют: «Чего, мол, Разоренихе-то молоко не доить? Коров ей как на подбор дали всех». Только вот кто ж для меня их специально отбирал? Никто. Все-все ведь вот этими руками делаешь...

Что ж, видно и вправду говорят, что на каждый роток не накинешь платок. Люди разные бывают. Вон и на большой заработок иной позарится. А ведь то бы понять, что зарплата, она от литров молока. «Корова дает молоко» — истина старая, а сколько дает? Сколько сам взять сумеешь. Тут только так.

Отношение к животным у Разореновой, в

полном смысле этого слова, бережное. Отсюда и пристальное внимание к каждой, заботливое и ласковое обхождение с буренками. Тоже, вообще-то, не новое в приемах работы животноводов. И «секреты» доярки Разореновой куда как несложны: действует она так, как это давным-давно предписывают тысячекратно проверенные правила зоотехнии. Знают эти правила на ферме, наверное, все. Просто? Без сомнения. Однако сколько их, писанных и неписанных правил и приемов во всяком деле! И уж, наверное, всегда легче и проще бывает поступиться ими, чем неукоснительно их выполнять. Вот тут-то и выходят на первый план выдержка и терпение, упорство, которым по словам Селиванова, и берет доярка. И еще есть одна приметная черта в натуре Разореновой. Это постоянство. Постоянство, которым всякая любовь сильна.

— Привыкла я уж за столько-то лет к ферме. Что легко работать — не скажу, а трудностей особых каких-то тоже не вижу я. Так оно и надо, наверное. Так оно и быть должно, — так сформулировала свой рабочий принцип Валентина Николаевна.

Вспомнилось — «трудное сделай привычным, а привычное никогда не бывает трудным».

...И все же нельзя все время работать так, чтобы быть и оставаться довольным всем и вся. Такого — если хочешь двигаться вперед — быть не должно.

— Сорок коров у меня в группе. И не все они такие уж расхорошие, — подытожила доярка. — Голов пять не жалко бы и забраковать. Не оправдали надежды. Ну, со временем за-

менят их, конечно. Сейчас это не проблема у нас на комплексе. Селекционер специально для этого работает. И вообще наш комплекс в гору пошел. Не зря ж теперь Горненским и зовется. На работу сейчас идешь — радуешься. А прошлый год лично для меня особенный. За три тысячи килограммов молока от коровы получила.

— Самая первая на нашем комплексе, — вставляет слово Селиванов. — Есть у нас и хорошие доярки, и отличные, но до трех тысяч она, Разоренова, первая дошла. Ну это — пока. За год мы от коровы в среднем сколько молока в том году взяли? Две тысячи семьсот сорок девять килограммов. А план годовой у нас был, заметьте, тысяча девятьсот. Чувствуете разницу?

Да, это самая характерная деталь крутого подъема обновленного животноводческого комплекса — перемена буквально на всех участках работы. Да, соревнование прошлого года здесь вела В. Н. Разоренова, но и все остальные доярки комплекса шли уверенно к общему успеху бригады. Передовики производства действительно решают в коллективе многое, но совокупный успех определяют все. Вот этот хозяйственный маневр, выражаясь по-флотски, «поворот все вдруг», и снял ранее отстававший участок с мели. Животноводческий комплекс в теперешнем своем виде — это наглядное свидетельство того, как действует простое наведение порядка, что оно способно дать. Сейчас ферма не только объединяет людей в решении общей задачи, но и воспитывает их как работников. Теперь тут невозможно плохо работать хотя бы

потому, что нарушение, отступление, срыв — это редкость. Это явление, которое воспринимается как резкая фальшивая нота в звучании хорошо отстроенного оркестра. И, предположим, что не так уж легко и просто трудиться на комплексе на «отлично», но, наверное, уж совсем трудно работать плохо. Обстановка не позволяет. Да и сам коллектив успел понять и оценить свои силы и возможности. А раз работать хорошо можно, то только так и надо работать.

...С гордостью продемонстрировал (именно так — «продемонстрировал», а не просто показал) управляющий Селиванов молочный пункт своей фермы. Во взгляде — плохо скрытое торжество: «Такого в области вы нигде не увидите — могу ручаться. А все сделали сами, без подрядчиков и подручных». Молокопункт и вправду «богатый»: кафель, стекло, блеск никеля. Все — работает. Это главное. Это даже красиво. Как красиво все, что отлично функционирует. Сегодня сюда, в молочные танки, вольются новые тонны молока. Почти триста литров будут аккуратно вписаны в графу журнала против фамилии В. Н. Разореновой. И обыкновенные слова «трудолюбивая», «старательная», еще раз обретут свой прочный, вещественный смысл. Ведь грани человеческой натуры во все времена имели четкое материальное выражение и сущность. Три тысячи восемьдесят килограммов молока от каждой из сорока коров. Внушительное шестизначное число. Показатель года.

...Гудит «дойка», пунктирной линией тянутся электролампы под высоким потолком. Идет

обычный рабочий день на комплексе. Один из трехсот шестидесяти пяти рабочих дней животноводческой фермы...

D • D

«Хочу сказать вам, что я на Дальнем Востоке заживу культурно и зажиточно. К этому здесь есть все условия, только работой. Здесь есть все, и все растет: разные ягоды, грибы, орехи, яблоки и т. д. Есть здесь козы дик'е, птица, много рыбы, хороший мед...»

Из письма переселенца П. Быкова.
1940 г.

В. ГОРЕЛОВ

Пора медосбора

В ТРУДАХ И ЗАБОТАХ МИНЕТ ПОЧТИ год, пока дождется пчеловод цветения липы. Но вот оделась она в воскового цвета легкую накидку, и пчелы-разведчицы кружат над бутончиками, пробуя хоботками — не пошел ли нектар. Капризна липа на редкость. Тогда начнет она выделять сладкий сок, когда в полдень в тени тридцать, парит, как в бане, нет-нет да и просыплет легкий дождичек. Вот самая для нее лучшая пора. Боится нежный цвет ветреных ясных дней, погибает от сухих гроз, прекращает выделение нектара в обильные дожди.

Все сложилось благоприятно, и Владимир Федорович Сысоев кинул клич по родне и знакомым: помогайте мед качать. Хотя почему качать? Скорее — гнать. Именно так, за

счет центробежных сил, нектар выгоняется из сот, да и аппарат называется медогонка. Вращаются, сливаясь в круг, крылья медогонки, тяжелые золотисто-янтарные капли гулко бьют в серебристые стены аппарата и, собираясь в ручейки, сбегает на дно. Когда крылья начинают задевать мед, открывают кран, и в ведро, в бидон ли стекает липец — лучший из медов, легкий, целебный, вкусный.

...Оба они рослые и статные — Владимир Федорович и его жена Екатерина Федоровна. В сыновьях тоже чувствуется стать родителей — шестнадцатилетний Олег и младший Андрей плотные, неспешные, как их отец, в движениях, рассудительные. Старший работает у отца помощником, набирается опыта, думая поступить нынче в сельскохозяйственный техникум на отделение пчеловодства. Это хорошо, когда дети продолжают дело отцов. Что ни говори, а династий у пчеловодов пока немного. Только со стороны может показаться, что работа эта проста и приятна во всех отношениях. Мед легко не дается. Пасеки большие, дел много не только летом, но и зимой. А с марта, после выставки ульев из омшаника, до ноябрьских морозов у пчеловода праздничных дней не бывает.

В хозяйстве Сысовых 135 основных пчелосемей да ПО отзодков. Это те же семьи, полученные при разделении основных. Кстати, по заданию Владимир Федорович должен иметь 17 отзодков. Теперь нетрудно понять, сколь много дополнительных хлопот взял он на себя — пасеку почти в 250 семей с постоянной обслугой в два человека встретишь далеко не везде.

Владимир Федорович с пчелами работает два десятка лет. Правда, па недолгое время как-то уходил с пасеки, но почувствовал, что нигде ему не будет так покойно на душе и интересно, как среди ульев, где он стал уже большим специалистом, тонким знатоком природы и повадок пчел.

Они у него нынче хороши. Двухкорпусные домики набиты пчелами, способными принести за день в обильное выделение нектара до 12 килограммов меда в каждый улей. Правда, пока самый высокий дневной взяток восемь килограммов. Но липа по северным склонам и в глубоких распадках еще не начала выделять нектар, сложится благоприятная погода, возьмут они хороший мед и с нее.

Душный, с каким-то липким воздухом день подходил к концу, когда Владимир Федорович перебрал рамки в последнем улье. Драчливые в другую погоду, пчелы сейчас настроены миролюбиво. Хватит меда всем — и им, и хозяину. Халат на пчеловоде будто облит водой. Тяжелый был день, почти двенадцать часов на ногах. В омшанике, где все это время гудела медогонка, десятки бидонов, наполненных первым в этом году медом. Взял его Сысов уже две тонны, еще одна такая качка — и будет план. По-хорошему же, с липы мед качают три раза, а там подойдут и осенние медоносы: леспедеца, визиль, колокольчик, серпуха. Они рядом, на обширной мари, начинающейся сразу за пасекой, по светлым сухим релкам. Придет и осенний мед. Напоенная влагой земля, даже если уже не будет до осени дождей, обеспечит выделение густого цветочного нектара.

...Потом пили чай, заваренный соцветиями липы, сделавшийся поэтому даже без меда чуть сладковатым и душистым. Минул день, ради которого живет и работает пчеловод. Он не из тех работников, которые поражаются хорошему взятку и не слишком опечалятся, если его не будет, — какой спрос, мол, против природы мы бессильны. Природа природой, а характер человека — дело не последнее в пчеловодстве. Владимир Федорович сумел оберечь семьи от губительного влияния клеща, заселившего на Дальнем Востоке пасаеки. За счет отводков поднял количество рабочих пчел, нарастил хорошие семьи, а они возьмут нектар, сколь мало бы его ни было.

За всем этим стоят дни тяжелого труда, бессонные ночи, когда никто не мешает думать, тревожась, надеясь. Слишком ценный продукт для народного стола дает пасека, слишком много государственных средств вкладывается в нее, чтобы спать спокойно ночами, работать вполсилы.

Все это стало мне понятно после долгого разговора с пчеловодом, его приветливой, умной женой и всеми, кто был в тот день на пасеке Владимира Федоровича Сысоева, одного из передовых пчеловодов Дальневосточного пчелосовхоза.

-к Они были первыми

Профессор Брук

Событие выглядело невероятным: сын сапожника из глухого еврейского местечка экстерном выдержал экзамены за полный курс классиче-

ской гимназии. Комиссия, подбором которой занимался сам господин попечитель учебных заведений Киевской губернии, нашла справедливым поощрить самоучку Брука золотой медалью. Нелыханно! Но и с медалью лицу иудейского происхождения дорога в императорский университет была заказана. Борис Львович Брук продолжает учебу в Киевском политехническом институте на сельскохозяйственном отделении и получает звание ученого-агронома.

1917 год. Революция сломала сословные и национальные препоны, открыла широкие возможности для практического применения знаний, творческого труда. Б. Л. Брук, по крылатому выражению К. А. Тимирязева, «работает в науке, пишет для народа». Его печатные труды доступны пониманию любого крестьянина. Публикуют их в Воронеже, в Москве. Названия ясны и доходчивы: «От трехполья к шестиполью с викоовсяным паром» (1923 год), «Пашни под яровые с осени» (1924 год), «Как наладить крестьянину свое хозяйство на черноземе» (1925 год), «Как получить 100-пудовый урожай ржи» (1925 год).

Когда организовали Комитет земельного еврейского товарищества (Комзет), Б. Л. Брука пригласили работать в Москву. В апреле 1926 года его назначили старшим агрономом Комзета при ЦИК СССР и в том же году ученый совет Народной комиссариата просвещения РСФСР присвоил Б. Л. Бруку звание профессора. Когда встал вопрос об образовании в Российской Федерации национального района, была снаряжена комплексная экспедиция на Дальний Восток. Общее руководство возложили на самого авторитетного специалиста — профессора В. Р. Вильямса, а начальником экспедиции назначили Б. Л. Брука.

26 мая 1927 года экспедиция выехала из Москвы. В Хабаровске Б. Л. Брук выступил перед руководителями края с докладом о плане работ. Почвоведы-агрономы В. А. Францесс, А. И. Харциев, А. Я. Буш, ботаник И. В. Галкин, инженеры В. М. Энгельгардт и Н. И. Рычков, сам Б. Л. Брук с помощником С. М. Капланом разошлись по маршрутам.

«Поход несомненно был тяжелым, — писал потом в отчете Б. Л. Брук. — Ночевки под дождем, тяжелые переходы, гнус, встречи со зверем, трудные переправы через многочисленные реки и речки, подъем в горы, местами переезды и переправы через топкие болота и кочкарники, условия питания — все это доставило немало лишений. Но следует сказать, что члены экспедиции, движимые познавательными целями и сознанием поставленной перед ними задачи, осуществляли намеченную программу полностью, нигде не останавливаясь перед препятствиями».

Любящий точность начальник подсчитал, что почвоведы прошли 1559 километров, сделали 147 почвенных разрезов, взяли до 2000 проб, выполнили 150 геоботанических описаний, загербаризировали 1500 образцов растений. Гидрологи обследовали 20 водных артерий района в 54 точках, описали 12 плотин и пять водяных мельниц, изучили водный режим на 280 гектарах угодий. Сам начальник с помощником лично обследовал 300 дворов в Екатерино-Никольском, Пузине, Бабстове, Биджане и других селениях, собрал данные по 150 семейным бюджетам.

Экспедиция показала, что район перспективен для развития сельского хозяйства. Примечательно, что уже тогда, в 1927 году, профессор Б. Л. Брук прозорливо указывал на большую будущность скромного поселка на железнодорожной магистрали. «Главное значение приамурской части района, — писал он в отчете, — имеет станция Тихонькая, связанная колесным путем с Михайло-Семеновским (ныне село Ленинское — Л. В.) и остальным побережьем».

Отчет, одобренный в Хабаровске, поступил на рассмотрение в вышестоящие органы. Президиум ЦИК СССР решил закрепить свободные земли Приамурья за Комзетом. В 1929 году Москва издала популярную книжку Б. Л. Брука под названием «Биробиджан». Впервые общественность страны познакомилась с необычным для слуха именем главного города будущей автономной области.

Представление о местности давала красочная карта, текст брошюры предворалялся посвящением

автора: «Переселенцам — пионерам 1928 года посвящаю». Этот и последующие печатные труды Б. Л. Брука вне сомнения способствовали правительственному решению об организации области. Оно еще готовилось, а сам Б. Л. Брук снялся с насиженного места в Москве и всей семьей отправился в Приамурье. Это была лучшая форма агитации за идею.

В декабрьскую стужу 1933 года среди поселенцев появился первый человек с профессорским званием. Он был без претензий — разместился в комнатухе одного из барачных станций Тихонькая и весь ушел в работу. С организацией области утвердили новые штаты. Жаждавший конкретного дела Брук получил должность заместителя директора по научной работе областной сельскохозяйственной опытной станции. Она размещалась в нескольких домах и сараях среди неоглядных полей в 12 километрах от села Биробиджан.

Туда и перебрался Брук. Коллектив подобрался дружный и работоспособный. Жили одной семьей, поровну деля все радости и горести того бурного времени. Выходных дней не знали, трудились от зари до зари. Лишь в ненастье и зимнюю стужу сидели в доках, корпели над отчетами и планами. Брук просиживал над рукописями до первых петухов при свете керосиновой лампы.

В ноябре 1935 года в его трудовой книжке появилась запись: «Премирован званием ударника за исключительно ценную работу «Направления сельского хозяйства ЕАО» и широкую общественную работу в области».

Затем Брук несколько лет преподавал математику в одной из биробиджанских школ. Немало его воспитанников стали видными деятелями в области и крае.

В 1943 году его пригласили в Хабаровск в институт земледелия и животноводства. Работоспособность уже немолодого Брука поражала и служила объектом почтительного изумления коллег. Его научные работы — «Звенья высокого урожая», «Травопольные обороты в Хабаровском крае и Амурской области», «Как увеличить плодородие наших земель», фундаментальное исследование

дование «Яровая пшеница в экологических условиях Хабаровского края» — отвечали на насущные вопросы развития сельского хозяйства, способствовали повышению агрономической культуры.

Владевший почти десятком языков, включая древнееврейский, деликатный и несуетный, скромный до крайности, благородный в помыслах и побуждениях профессор самозабвенно трудился до конца своих дней. Эти качества, по-видимому, благоприятствовали его долголетию — Борис Львович Брук скончался в 1979 году в возрасте 94 лет. Его творческое наследие составляет свыше ста книг и статей, не считая рукописей. Он обладал замечательным даром научного предвидения, умел смотреть вперед. Он жив в нашей благодарной памяти.

Л. Востриков,
доцент Хабаровского пединститута.

Люди приехали с запада

Вокруг Смидовича на новых землях растут колхозы. Сюда приехали крестьяне из центральных районов страны, чтобы двигать вперед экономику края, чтобы множить его богатства.

Люди приехали, чтобы строить, и доказали это на деле в первый же год своего поселения в Смидовичском районе. Особенно разительны успехи этого года в колхозе «Ройтер Штерн». Здесь был небольшой колхоз, если вообще один барак и три семьи Кацов можно было считать колхозом. Кац-старик был председателем, Кац-молодой — кладовщиком, Кац-племянник — единственным колхозником. Приехали сюда с далекого запада 12 семей. Председателем они избрали бывшего овощевода колхоза им. XVIII партсъезда, участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, награжденного Малой серебряной медалью тов. Кноппе.

Прошел год. Не узнать небольшой сопочки, на которой строится колхоз. В два ряда выросли новые дома. А земля — как будто ее кто заме-

нил: она дала столько, что за один год колхоз рассчитался с государством, создал запас семян, выдал на трудодни по 2 кг картофеля и по 7 рублей деньгами.

Земля, конечно, не дала этого сама. Урожай у нее взяли люди, вооруженные наукой, знанием, страстно любящие труд, такие, как звеньевая Анна Широбокова, собравшая 1506 пудов ранней капусты с гектара.

Тут же неподалеку построился и колхоз «Новая жизнь». За 1 год люди поставили дома, распашали землю. И здесь появились уже свои стахановцы, прославившиеся на всю область.

Первая из них — звеньевая Мария Стельмах, вырастившая картофеля 1896 пудов с гектара и моркови — 1188 пудов.

Вот какое изобилие продуктов способна давать дальневосточная земля, если к ней приложить старательные руки.

Биробиджанская звезда. 19-10 г.

Мы знали, что победим

Первый бой нам пришлось выдержать с дикими сибирскими лошадьми. Встанут они на дыбы, и попробуй, запрягай в оглобли. Однако после двух-трех «лекций» инструкторов, мы так искусно повели бой, что «враг» должен был сдать позиции.

Врагом пожестче оказались скверные дороги Биробиджана. Особенно дорога на Бирофельд. Грязь, гнус, сибирская язва сломили слабых, лодырей... Мы же знали, что и скверную дорогу, и биробиджанскую грязь нужно побеждать. На отдельных участках построены хорошие грунтовые дороги, на других они строятся. ...Лошадка заменяется трактором, автомашиной, экскаватором.

Т. Слуцкий.
переселенец (ГАЕАО. ф. 3. оп. 1,
д. 56, л. 2.)

7 июля 1934 г. состоялся первый областной слет колхозников-ударников. В его работе приняло участие более 200 делегатов. Слет обсудил итоги весеннего сева и задачи сельских тружеников по подготовке к уборочной кампании. Участники слета приняли обращение ко всем колхозникам, рабочим совхозов с призывом во всеоружии встретить уборочную и убрать урожай без потерь. Слет направил приветствие М. И. Калинину, в котором отмечалось: «Наша область заняла в крае одно из первых мест на севе. Мы своей ударной работой на полях будем еще больше крепить боеготовность границ нашего Дальневосточного края».

* * *

27 января 1936 г. состоялось I областное совещание передовиков сельского хозяйства. Оно обсудило итоги работы за 1935 год и задачи, стоящие перед тружениками села.

Участники совещания приняли социалистические обязательства на 1936 год и заверили партию и правительство, что поставленные задачи будут выполнены.

* * *

17 августа 1959 г. доярка колхоза «Путь Ленина» Ленинского района тов. Белоносова, следуя почину В. Гагановой, первой в области приняла отстающую группу коров и обязалась выполнить ранее принятые обязательства по надою молока и вызвала на соревнование доярку Раппину, которой передала свою группу коров.

* * *

8 марта 1960 г. состоялся первый областной слет женщин. Его открыла лучшая доярка колхоза «Путь к коммунизму» Смидовичского района, коммунист, депутат Верховного Совета СССР З. Т. Зиновьева,

16 женщин в разные годы представляли область в Верховном Совете СССР. Депутатом первого созыва была Л. Я. Лишнянская — доярка колхоза им. Кирова из села Бирофельд. А. Р. Г. Геллер — паяльщица завода силовых трансформаторов им. 60-летия СССР — в 1983 году вторично избрана депутатом высшего органа народной власти страны. Депутатами в краевой, областной, городские, районные, сельские и поселковые Советы народных депутатов избрано 1252 женщины.

* * *

У жительницы города Облучье Надежды Антоновны Григорьевой редкая профессия. Она — грибовар. В конце каждого лета и начале осени Надежда Антоновна становится хозяйкой засолочного цеха местного заготпункта райпотребсоюза. Здесь она принимает от штатных заготовителей и населения «королевские грибы» — грузди, а также волнушки, белянки, подосиновники, подберезовики, обабки... По известной только ей рецептуре Н. Григорьева закладывает в чаны с грибами соль, перец-горошек, перья чеснока, листья хрена и смородины. Даже по истечении нескольких месяцев грибы на редкость вкусны, и, что самое удивительное, — в букете тонких, соблазнительных запахов явственно ощущается аромат уходящего лета — сырой земли, прелой листвы, увядших трав, свежесрезанной ножки гриба. Впрочем, «секреты» засолки Надежда Антоновна не держит в тайне, всегда охотно поделится своим опытом грибоварения.

* * *

Не только традиционным кормом питаются многочисленные обитатели четырех заказников, созданных в таежных угодьях Еврейской автономной области.

В суровую зимнюю пору кабаны, косули, изюбри охотно посещают «лесные столовые», которые строят для них охотоведы и егери Биробиджанской охотинспекции. В места скопления зверей вывозятся десятки тонн концентрированных кормов, зерновые отходы, посоленное сено. Это помогает ценным промысловым животным, особенно молодняку, благополучно перенести трудные зимние месяцы, когда из-за многоснежья сокращаются природные запасы пищи.

Его зовут
рабочий класс

Труд. Творчество. Талант.

Три этих слова в течение многих веков не могли стоять рядом. Труд — вечное проклятие, удел рабов, обреченных в поте лица добывать хлеб свой.

Творчество — занятие, доступное немногим избранным, не обремененным повседневными будничными заботами.

А талант? Определение «талантливый» могло сопутствовать лишь возвышенным, изящным профессиям.

Стирается грань между умственной и физической работой. И выражения «талантливый токарь», «талантливая швея» стали уже вполне привычными и обиходными.

Только в труде возможно творчество, а оно немислимо без призвания, а значит, таланта.

В этом разделе помещены рассказы о славных делах рабочего класса области, о людях, ставших заслуженными мастерами, виртуозами в своих профессиях. Это рассказ о том, как свободный труд создал нового человека.

«Лица, решающие переселиться в Биро-Биджан, должны помнить следующие обстоятельства. Край, куда они едут, имеет богатые возможности. Но в данный момент он еще дикий, необжитый и требует людей здоровых, сильных, смелых, которые способны многое претерпеть».

Из обращения Комзета к будущим переселенцам. 1928 г.

А. ЖДАНОВА

Легенды семьи Молоцких

ОНИ — ПАРА. ОНИ НАСТОЛЬКО ПОДХОДЯТ друг другу, что даже имена у них одинаковые: Михля Самойлозна и Михаил Самойлович. Они прожили большую жизнь и воспитали детей: Семена, Веру и Еву. У детей уже подрастают свои дети. В этой семье люди всегда были верны друг другу, внимательны и добры, здесь не отлынивали от работы, какой бы она ни была — на заводе ли, в школе, в швейном цехе, в своем собственном доме, здесь много читали, младшие были почтительны к старшим, — а старшие в меру строги и ласковы...

Со стороны это выглядит идиллически, но, поверьте, жизнь семьи Молоцких никогда не походила на рождественскую сказку. Судьба Михаила Самойловича и Михли Самойловны складывалась нелегко, у детей, может быть, жизнь пошла ровнее: они не знали ни голода, ни войны, но зато знали труд, а по-настоящему трудовая жизнь никогда не бывает легкой.

Семен стал слесарем-сборщиком на «Дальсельмаше», Ева — учительницей, Вера — воспитательницей в детском саду. Однако не будем забегать вперед. Я хочу сказать вот что: хорошая семья не бывает не помнящей родства. Это, наверное, ее главный отличительный признак. В ней не забывают о дедах и прадедах, о корнях своих и истоках. У хорошей семьи, как у славного государства, всегда есть история. Есть традиции и легенды. Легенды романтические, героические и трудовые. Только их, конечно же, не называют легендами — это просто семейные предания, которые рассказывают малышам между делом, к слову, когда, например, достают из альбома фотографию человека с умными светлыми глазами в рабочей рубашке-косоворотке и говорят: «Это твой прадед. Тот самый, что работал в артели «Колесо революции», или когда поздравляют дедушку Михаила Самойловича с Днем Победы, или когда отец, бригадир-дальсельмашевец Семен Михайлович, надевает в торжественных случаях пиджак, на котором светится орден Трудовой славы III степени... Дети смотрят. Слушают. Впитывают. Растут. И со временем понимают, что следующую страницу в историю семьи вписывать им.» И связь поколений, таким образом, не прерывается.

...Самуил Пейсахович Шиндер был колесником. Ремесло его было древнее как мир, ибо человеческая цивилизация началась с изобретения колеса. Самуил Пейсахович велосипедов, однако, не изобретал. Ему это было ни к чему. Он просто стал первым мастером

в Белой Церкви. Его колеса были па диво крепки и надежны. Я думаю, именно о таких спорили знаменитые гоголевские зеваки; докатится, ежели что, колесо до Питера или нет. Колесо Самуила Пейсаховича непременно бы докатилось. Во всяком случае, оно докатилось до Биробиджана, а Биробиджан, всем известно, много дальше Питера...

Юная его жена Хайя-Мирл еще доигрывала, наверное, в последние куклы, и далеко было до дня, когда веселые скрипки спели на их свадьбе «Ломир алэ инейнем» — «Давайте все вместе» — вечный призыв, вечную мечту "и вечную тоску, а сам он только учился своему прекрасному ремеслу, когда тихую жизнь Белой Церкви всколыхнули обнадеживающие слова: «Еврейский вопрос в Советской России больше не существует». Это значит — нет унижительной черты оседлости. Это значит — конец гонениям. Все свободны и равны. Нужно только работать, не жалеть рук для революции, потому что она принесла свободу. Самуил Пейсахович вырос свободным человеком, а работать он умел с детства.

Пройдут годы, настанет 1928 год, потянутся на Восток эшелоны с евреями-переселенцами, газеты запестреют диковинными названиями: Биробиджан, Бирофельд, Валдгейм, а сонную жизнь Белой Церкви еще раз всколыхнут слухи, один противоречивее другого. Кто-то из уехавших вернется и расскажет, как это было ужасно: необжитая тайга, палатки, наводнение, болота, мошकारа... А кто-то напишет оставшимся родственникам: глупые, чего вы медлите? Зачем верите паникерам и слабакам? Здесь мы своими руками построим

город, и он будет лучше старых городов. Ломир алэ инейнем!

Самуил Пейсахович был человеком осмотрительным. Газеты газетами, слухи слухами, а пока сам не побывал в далеких краях, не выяснил что к чему, семью срывать с места повременил. В путь тронулись только в 30-м.

У Шиндеров было уже трое детей. Самая младшая — Михля — только-только лопотать начала: ей едва исполнилось три годика. Как ехали, она не помнит, и я сочинять не стану. Как все, наверное: в переполненном медленном поезде, который подолгу стоял на станциях, и отцы семейств успевали сбегать на водокачку за кипятком, а мамыши потроговаться на маленьких пристанционных базарчиках с хозяйками, выносившими к поезду горячую картошку в чугунках, молоко, сало, малосольные огурцы и жареные семечки. И каждый раз кто-нибудь непременно опаздывал на поезд. Но Шиндеры, слава богу, доехали без приключений: никто из них не потерялся в пути и не заболел. Высадились в Биробиджане. Самуил Пейсахович, в общем-то, вез семью на свой страх и риск, без переселенческого билета и обосноваться думал в Хабаровске, но внезапно поддался общему порыву и горячим словам неведомого агитатора на вокзале. Все, решил он, хватит странствовать. Его колесо остановится здесь. Тем более ремесло это оказалось в новом городе куда как нужным и даже дефицитным: здесь набирала силу артель «Колесо революции», и Самуил Шиндер вскоре стал ее председателем. А хорошее было название у артели, и время было хорошее, и мужики подо-

брались молодец к молодцу. Года не прошло, как выбились они в ударники. Сколько телег, сработанных Самуилом Пейсаховичем, верой и правдой служило строителям Биробиджана: на них возили кирпичи, доски и песок для новостроек.

Все знают притчу о трех людях, которые толкают в гору тяжелую тачку. Только один из них говорит, что он прикован к этой проклятой тачке, второй — что он честно зарабатывает на хлеб себе и своим детям, а третий — что он везет драгоценный мрамор, из которого будет построен прекрасный дворец. Я думаю, Самуил Пейсахович всегда верил, что из его камней будет построен дворец. И преданная его Хайя-Мирл тоже верила. Может быть, они успели бы даже в нем пожить. Наверняка успели бы. Война помешала.

...Михле было 14 лет, когда началась война. На ее долю выпали, конечно, все трудности, которые пришлось пережить подросткам военного поколения: и недоедали, и хлеб по карточкам делили, и работали допоздна — чем могли, помогали фронту... Но будущему ее мужу, Михаилу Самойловичу Молоцкому, которому 18 лет исполнилось в теплушке, увозившей необстрелянных мальчишек на фронт, пришлось пережить много, много больше...

В первом же бою лейтенант Молоцкий был тяжело ранен. Потом госпиталь, потом второй бой, еще одно ранение, окружение и плен. Несколько часов жаркого боя и долгие месяцы фашистских концлагерей — на Украине, в Польше, во Франции... Не одному ему до-

сталась такая доля, но это было слабое утешение. Он выдал себя за лезгина — другого шанса выжить в мире за колочей проволокой у него, еврея, просто не было. Хорошо, среди своих не оказалось предателя...

Все пленные мечтали о свободе. О счастливом случае, который представится однажды, и можно будет бежать. Но не так уж часто они выпадали, эти счастливые случаи, и главное, чтобы воспользоваться благоприятным моментом, нужно было решиться поставить на карту все: неудачный побег означал расстрел. Бежали самые отчаянные и дерзкие.

...На юге Франции, в солнечном смолистом бору пленные мостили дорогу, когда налетели самолеты союзников. Поднялась суматоха. Рассыпались по кюветам пленные, залег конвой. Вот он, счастливый случай, понял Молоцкий. Другого не будет. Рвались бомбы, и осколки свистели над головой, беспорядочно трещали за спиной немецкие автоматы, а он петлял между деревьями, падал, когда бомбы ухали где-то совсем рядом, поднимался и бежал дальше. И, наконец, остались позади и охранники, и овчарки, и товарищи по несчастью, и проклятые немецкие бараки. Два года плена...

Он выбрался в горы. Другим, случалось, везло, они натыкались на партизан, вливались в интернациональные бригады и продолжали сражаться с фашистами. Но Михаилу Самойловичу за неделю странствий по Пиринеям не встретился никто. В одиночестве, под далекий звон воскресных колоколов он перешел границу, но оценить, в самом ли деле

воспетая великими поэтами Испания пахнет лавром и лимоном, не успел. В первом же селении его задержали и отправили в лагерь для интернированных.

На Родину он вернулся в 1944 году. Наверное, это было невероятное счастье: увидеть с палубы корабля белый город на родном берегу — милую, старую, израненную войной Одессу. После проверки — необходимой, ибо разные люди возвращались из плена, — Михаила Самойловича отправили на Дальний Восток, и в 1945 году судьба привела его в Биробиджан, где ему предстояло встретить Мхилью Самойловну, вырастить сына и дочерей, окончить пединститут, вступить в партию и долгие годы учить детей истории, которая, если вдуматься, вся состоит из войн — справедливых и несправедливых, но история сама по сути своей справедлива, и победы в войнах в конце концов всегда достаются правым. Пусть бы это запомнили все люди на свете, не только ученики Михаила Самойловича...

...Семену Молоцкому тоже один раз довелось испытать щемящее чувство возвращения на родную землю. Поезд подъезжал к Биробиджану, а он, двадцатилетний, только что отслуживший в армии, стоял у окна и ждал: ну когда же, когда? Вот уже и Икуру проехали, вот поля и перелески промелькнули — такие знакомые! — а вот и окраины биробиджанские начались... И ведь знал, что всего на два года уезжает, знал, что непременно вернется, а все равно что-то к горлу подступило. Может быть, в тот момент впервые от-

ца по-настоящему понял. Несопоставимо, конечно, но хоть краешком души удалось и ему, Семену, ощутить святую отцовскую радость возвращения к родным берегам.

Семен у отца не учился. Тот преподавал в другой школе. Но ему было приятно, что мальчишки хорошо отзываются о высоком седом учителе, его отце, и уважают его.

Семен тоже уважал отца, хоть и общались дома в основном по воскресеньям. Это уж как правило: у учителя времени на своих детей не хватает. Что запомнилось из детства? Отец с матерью всегда в делах, отец с книгой, мама — с шитьем, она портнихой в ателье работала, отец немногословен, мама — говорунья, отец строг, мама — мягка, отходчива, но оба справедливы, оба не любят, когда дети врут и ленятся. С ними легко было ладить. Еще запомнился старый деревянный дом, и тихий зеленый двор, и речка Бира, и летняя пацаньячья вольница...

После школы Семен надумал было поступать в институт, даже документы послал, даже приехал уже в Хабаровск, но походил-походил под стенами альма-матер, посмотрел на робеющих абитуриентов и решил — эта дорога не для него. Он в деда пошел — Самуила Пейсаховича: рабочая косточка. Ему всегда нравилось руками работать. Книжки, правда, тоже нравилось читать, но он их и до сих пор читает: второго такого читателя в библиотеке, наверно, просто нет. Известно, какой бы из него вышел специалист, а рабочий получился отличный.

Рассказ о бригадире Семене Михайловиче Молоцком я бы начала с такого факта исто-

рии. Цитирую по книге «Организация КПСС ЕАО. Хроника»: «9 января 1983 г. бюро горкома КПСС и исполком городского Совета народных депутатов одобрили патриотическую инициативу слесарей-сборщиков завода «Дальсельмаш» (бригадир С. М. Молоцкий)..., поддержавших почин москвичей по укреплению трудовой дисциплины и четкой организации труда под девизом «Честь и слава по труду».

Читатели, вероятно, удивятся: какая же это история, какая легенда? Самая настоящая. Легенды ведь не обязательно излагаются в стихах и ритмической прозе. Их можно разглядеть и за сухим языком протокола. Больше двадцати лет работает Семен Михайлович на «Дальсельмаше» — в одном цехе, на одном месте, с 1980 года руководит своей бригадой, и за все время не то чтобы ни одного прогула, ни одного нарушения трудовой дисциплины, даже минутного опоздания на работу в его бригаде ни у кого нет. Умиляться тут, конечно, нечему. Так и должно быть по большому счету. Но то, что для многих стало нормой лишь в последние годы, для Семена Михайловича было само собой разумеющимся еще двадцать лет назад. Если в двух словах, то как бы он охарактеризовал свою бригаду? «Надежные мужики», — не задумываясь ответил бригадир. Немолодые. Есть, конечно, и молодежь, без смены нельзя, но костяк все-таки составляют люди в возрасте: Заля Шлюмович Шпилько — парторг бригады, Александр Борисович Мазель — когда-то он был бригадиром и Семен у него учился, Семен Алексеевич Бендерский — тоже ветеран завода. Все эти люди не случайные здесь,

не пришлые: у каждого свои корни, свои семейные предания. У Зали Шлюмовича, например, отец работал на этом заводе, и мать была уважаемым в городе человеком, а дед Шпилько (из первых, кстати, переселенцев) отправлял на станции поезда. Семен с Заликом бегали к нему мальчишками на службу, и дед разрешал иногда ударить в станционный колокол — просигнализировать отправку. Потом, когда на вокзале появилось радио, колокол отдали в металлолом, а надо бы в музей, — запоздало вздохнет Семен Михайлович. Свою историю нужно беречь и помнить...

«Чем выделяется бригада Молоцкого среди других передовых бригад «Дальсельмаша?» — спросила я у секретаря парткома. «Боевая бригада, — ответил Александр Мартынович. — Эти не смолчат, не станут отсиживаться на партсобраниях, не посмотрят на чины: скажут правду в глаза. Хотя, знаете, много есть людей, которые любят пошуметь, права покачать, но эти не себе привилегий требуют. Эти за дело болеют. Неравнодушные».

В сборочном много проблем. Не зря ведь к ним не спешит молодежь. 25 лет как завод начал делать силосоуборочные комбайны, а в цехе ничего не изменилось. Это где-то вводятся станки с программным управлением и автоматизируются трудоемкие процессы, а у них по-прежнему главным инструментом остается кувалда да памятные, наверное, еще Самуилу Пейсаховичу холщовые рукавицы. Как же тут будешь отмалчиваться? Они ведь не халтурщики, настоящие мастера, они металл чувствуют, как живой организм. Они и без того работают на совесть, а могли бы еще

лучше, еще качественнее. И обидно бывает, что не все зависит от них и не все получается так, как хочется...

Три поколения одной семьи, типичной для Биробиджана. Подрастает и четвертое. Ходит в школу Марина Молоцкая, безмятежно спит в коляске маленькая Иринка. Это ради них строил в тайге город Самуил Шиндер, воевал Михаил Самойлович, ради них уже двадцать лет ходит через проходную «Дальсельмаша» отец. Потому что корни, как бы они ни были глубоки и крепки, сами по себе ничего не стоят. Корни всегда — ради. Ради цветения, ради будущего.

• • •

«Прибывшая в Хинганск в начале мая группа вчерашних фронтовиков, изъявивших желание начать мирную жизнь в качестве оловодобывчиков, уже 30 мая сдала государству 14,3 килограмма оловянного концентрата».

Тихоокеанская звезда. 1945 г.

В. ФЕДОРОВ

Разговор с сыном

ПОСЛЕ РАБОТЫ ИВАН СТЕПАНОВИЧ сидел за своим обычным занятием — читал газеты. Это его давняя привычка: придя домой, устроиться удобно на диване, пододвинуть стул, на него поставить пепельницу, курить и читать, делая пометки в блокноте. По заведенному обычаю в такие часы никто ему

не мешал — ни жена, ни дети, потому что это было как бы продолжением его работы. Он просто не мог без газет.

Иногда, прочитав заметку, он задумывался. Вот опять отряды молодежи отправляются в путь, едут что-то создавать. А кому же, как не молодежи, браться за большое дело. Молодые, юные, горячие, нетерпеливые, им-то и надо показать свою удаль, достойно продолжить то, что начали отцы. Запомнились Ивану Степановичу слова из одной книжки: «Встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету». Какая замечательная мысль!

Вот и здесь, в Хинганске, каких-то тридцать лет назад был совсем неприбранный кусочек планеты; ни наезженных дорог, ни домов — болота, тайга, каменистые сопки. Потом пришли сюда геологи, открыли олово. И на этой географической точке выросли крупная обогатительная фабрика, городок. Прибрали люди кусочек планеты, навели порядок. А порядок навести на нехоженой земле — это не в доме красивые занавески повесить, крылечко починить. Непросто это!..

Иван Степанович отложил газету, поднял глаза. Со стены на него смотрел портрет сына.

— Да, такие вот дела, Витька!

Как жаль, что не так уж часто приходилось ему разговаривать с сыном. У отцов не всегда хватает для этого времени. Да и не спешат они с этим. Поначалу думается: успеется, еще мал вроде. Подрастет, войдет в разум, тогда уж все ему разложу по полочкам, научу всему, что знаю сам, открою самое

главное. Что-то вроде тех слов про планету, которую надо с утра приводить в порядок...

Иван Степанович еще раз посмотрел на портрет сына: «Так и не успел я, Витька, рассказать тебе свою жизнь. А была она у меня нелегкой. Наше тогдашнее поколение жило нелегко. Впрочем, счастье — оно ведь не в легкости, а в трудностях и победах над ними. Но не просто в победах для своей корысти, а ради несравненно большего.

Мне было восемнадцать, когда я из Харькова по путевке комсомола приехал на Дальний Восток. Решил, что без меня здесь не смогут обойтись. Работал на железной дороге. В сорок четвертом воевал. На фронте вступил в партию. В сорок шестом, после военной службы, нам, бывшим солдатам, предложили принять участие в строительстве рудника. Спросил у жены, твоей матери: «Поедем?» — «Конечно, поедем!» — «Но там будет трудно. Дети у нас».

Тогда тебе было четырнадцать, а сестренки твои еще под стол пешком ходили.

Приехали, а тут ни одного дома — палаточный городок. У каждой палатки женщины на костре готовили завтраки, обеды и ужины. Дымком пахла пища. Гладиться, чепуриться негде было, белье стирали в речке. Зимой жили в землянках, обогреваемых железной печкой. Сами их мастерили из пустых бочек. Печка топишь, печь красная, жара в землянке, как в бане, а ночью вода в ведре промерзала до самого дна.

...Ты, сын, работал на руднике, когда фабрика была построена. В галстучке мог приходиться на работу, и многое уже за человека

машины делали. А мы не так работали. Бурили в скале шпуры, закладывали взрывчатку, делали отвалы, собирали оловянную породу в мешки, несли на себе, обжигали ее на кострах, вручную в ступах измельчали. Потом в Хипгане измельченную руду на лотках мыли и по крупицам, как золото, отделяли оловянный концентрат. За день умаешься: ноги не держат, а олова, глядишь, и нет — пустую породу мыл. Народ понаехал разный, некоторые не выдерживали такого, уезжали. А люди руднику нужны были, нужно было стране олово, а кто его будет добывать? И вот каждый коммунист в своей бригаде вел агитацию. Уговаривал людей потерпеть, пока не вступит в строй первая очередь фабрики, — тогда легче станет. Крепко верили мы, Витька, что приведем в порядок этот глухой кусок планеты.

Позже стали создавать укрупненные бригады по сто и более человек. Потребовались бурильщики, а их у нас раз-два и обчелся. Где их взять? Учиться самим надо. В партийной организации решили: освоить это дело коммунистам. Я первым вызвался. Учился, конечно, на ходу. Освоился, еще каким бурильщиком стал! Это без хвастовства, Витька.

Наконец пустили фабрику. А у нас на весь рудник один специалист с высшим образованием. Вызывает меня к себе главный инженер Сараханов:

— Краснокутский, ты коммунист. Пойдешь на фабрику старшим мастером.

— Что вы! Какой из меня мастер? Там же техника, а я в ней...

Он не дал мне договорить:

— Надо...

Ты не знаешь, Витька, как я переживал. Дни и ночи проводил на фабрике. Туда мне мать обеды и ужины носила в узелках. Первое время при мне был Сараханов, объяснял что к чему, потом сказал:

— Теперь ты сам... Вижу: справишься. Действуй!

Тогда я совсем перебрался на жительство в цех. Был у меня помощник Демьян Иванович Шаш, механик. Следили мы с ним за оборудованием, кое-что переделывали, подгоняли. Сами учились и учили других. А когда вступила в строй обогатительная фабрика, меня перевели туда старшим мастером.

Быть мастером, Витька, — это не только отвечать за материальное ценности, машины, план. Главное — уважать людей. Не только требовать от них, но и знать, что каждому надо. А нужд тогда было много и разных. Я носился по фабрике как угорелый. Рабочий день кончился, а у меня все дел невпроворот. Там приехала новая семья, надо на квартиру устроить. У кого-то дома нелады, мирить надо. Я еще был и секретарем цеховой партийной организации, значит, вдвойне за каждого в ответе. Нужно позаботиться, чтобы и для отдыха нормальные условия у людей были, чтобы и баня работала, и в магазине все необходимое имелось...

Извини, Витька, что все нам некогда было поговорить с тобой, как отцу с сыном, начистоту, по душам, занят был, понимаешь.

Я считаю, что коммунист — это человек, у которого равнодушия — ноль, а доброты — на всех. А у доброты всегда забот много.

машины делали. А мы не так работали. Бурили в скале шпуры, закладывали взрывчатку, делали отвалы, собирали оловянную породу в мешки, несли на себе, обжигали ее на кострах, вручную в ступах измельчали. Потом в Хингане измельченную руду на лотках мыли и по крупичкам, как золото, отделяли оловянный концентрат. За день умаешься: ноги не держат, а олова, глядишь, и нет — пустую породу мыл. Народ понаехал разный, некоторые не выдерживали такого, уезжали. А люди руднику нужны были, нужно было стране олово, а кто его будет добывать? И вот каждый коммунист в своей бригаде вел агитацию. Уговаривал людей потерпеть, пока не вступит в строй первая очередь фабрики, — тогда легче станет. Крепко верили мы, Витька, что приведем в порядок этот глухой кусок планеты.

Позже стали создавать укрупненные бригады по сто и более человек. Потребовались бурильщики, а их у нас раз-два и обчелся. Где их взять? Учиться самим надо. В партийной организации решили: освоить это дело коммунистам. Я первым вызвался. Учился, конечно, на ходу. Освоился, еще каким бурильщиком стал! Это без хвастовства, Витька.

Наконец пустили фабрику. А у нас на весь рудник один специалист с высшим образованием. Вызывает меня к себе главный инженер Сараханов:

— Краснокутский, ты коммунист. Пойдешь на фабрику старшим мастером.

— Что вы! Какой из меня мастер? Там же техника, а я в ней...

Он не дал мне договорить:

— Надо...

Ты не знаешь, Витька, как я переживал. Дни и ночи проводил на фабрике. Туда мать обеды и ужины носила в узелках. Первое время при мне был Сараханов, объяснял что к чему, потом сказал:

— Теперь ты сам... Вижу: справишься. Действуй!

Тогда я совсем перебрался на жительство в цех. Был у меня помощник Демьян Иванович Шаш, механик. Следили мы с ним за оборудованием, кое-что переделывали, подгоняли. Сами учились и учили других. А когда вступила в строй обогатительная фабрика, меня перевели туда старшим мастером.

Быть мастером, Витька, — это не только отвечать за материальные ценности, машины, план. Главное — уважать людей. Не только требовать от них, но и знать, что каждому надо. А нужд тогда было много и разных. Я носился по фабрике как угорелый. Рабочий день кончился, а у меня все дел невпоровот. Там приехала новая семья, надо на квартиру устроить. У кого-то дома нелады, мирить надо. Я еще был и секретарем цеховой партийной организации, значит, вдвойне за каждого в ответе. Нужно позаботиться, чтобы и для отдыха нормальные условия у людей были, чтобы и баня работала, и в магазине все необходимое имелось...

Извини, Витька, что все нам некогда было поговорить с тобой, как отцу с сыном, начистоту, по душам, занят был, понимаешь.

Я считаю, что коммунист — это человек, у которого равнодушие — ноль, а доброты — на всех. А у доброты всегда забот много.

Как-то мы шли с тобой по поселку, и ты спросил меня:

— Отец, вот ты депутат. Объясни мне: что такое депутат в жизни?

Я тогда отмахнулся. Другим был озабочен. А теперь думаю: зря отмахнулся. О таком надо говорить и своим сыновьям, и чужим.

Что такое депутат, какие у него заботы? Это все, что нас окружает, все что нужно людям. На месте, где было болото, у нас теперь Дом культуры. Парк разбили, построили стадион, благоустроили улицу, создали новую — это ведь все дела депутатские.

Я часто вспоминаю наш последний разговор. В тот день я вот так же сидел с газетами. Ты вошел, и я вдруг тебя не узнал.

— Отец! Ты счастлив?

— Да!

— В чем же твое счастье?

— В том, что я знаю, для чего живу.

Ты не ждал такого ответа. Я ответил тебе, как взрослому, потому что знать, для чего ты живешь, — это большое счастье, Витька.

— Для чего же? — спросил ты тогда.

— Чтобы быть нужным людям. Чтоб и через сто лет о тебе и таких, как ты, могли сказать: «Это сделали они». Счастье, сын, — это прожить жизнь не зря. А не зря — значит, что-то оставить после себя.

И тут ты сказал:

— Я хочу стать коммунистом, отец.

«Вот какой ты у меня уже взрослый, Витька», — подумал я...

Очень коротким был у нас разговор тогда. Я все собирался продолжить его. Но работали мы в разные смены и встречались мимо-

ходом. Потом я уехал на партийный актив, и там меня настигла страшная весть: «Ваш сын погиб при исполнении служебных обязанностей...»

Витька, Витька! Я так и не сказал тебе тогда, что счастлив я еще тем, что у меня есть ты!

Как я сейчас? Постарел с той поры на двадцать с лишним лет. Сединка щетинкой. Многие из тех, с кем обживал эти места, уже на пенсии. А я креплюсь. Заведую «хвостовым хозяйством» фабрики. Раньше, при тебе, отработанная, загрязненная вода выбрасывалась прямо в Хинган, а оттуда шла в Амур. Двести кубометров грязи в час выбрасывала наша фабрика. Теперь наш «хвостовой участок» фильтрует этот поток до чистоты родниковой воды. Меня сюда перевели как коммуниста: снова нужно было.

Два года налаживали работу, вели эксперименты. Разобрался, нашел простое экономичное решение. Вот так, Витька...»

Иван Степанович, снова склонившись над газетой, окликнул жену, бывшую в соседней комнате:

— Вот тут пишут: в тайге люди нужны. Новые леспромхозы создаются у нас на Дальнем Востоке.

— Уж не ты ли собрался ехать? — смеется она. — На пенсию тебе пора, а не в тайгу-

Он промолчал и подумал: «А Витька бы поехал... Витька бы обязательно поехал...»

«Наша главная задача была строить. И мы строили: копали рвы, месил/глину, делали кирпичи. В каких условиях работали — нетрудно догадаться. Кругом болота, мошкара, зимой — ледяные ветры. Строили вручную. Из механизмов — кирка, лопата да носилки. Думаете, много было жалоб? Нет. Молодежь трудилась с энтузиазмом. Сколько мы провели субботников и воскресников помощи строителям — не сосчитать. А вечером в сарае, заменявшем нам клуб, звенели песни, смех».

Из воспоминаний перпостройтеля
г. Биробиджана Н. Б. Борщевской.

Н. НЕМАЕВ

Остаюсь с бригадой

ВСПОМИНАЕТСЯ ОДНА ОСЕНЬ ПРОШЕДШЕЙ пятилетки. Раньше обычного ушли куда-то к Тихому океану низкие лилово-серые тучи. Кончились затяжные дожди, и на многие десятки километров вдруг открылось пронзительной голубизны чистое небо. К западу от города до самого горизонта тянулись величавые дальневосточные сопки.

Но три сопочки стояли особняком. Они отличались от других полуобжитыми склонами и подножиями.

Здесь полным ходом шла стройка, именуемая третьим микрорайоном Биробиджана. Над рекой поднялись ровные прямоугольные улицы с длинными панельными пятиэтажными домами, широкими тротуарами, большими дворами с детскими площадками, молоденькими деревцами, беседками и скамейками, где

можно поиграть детям, спокойно посидеть взрослым, поговорить о житье-бытье, о том, что переехали они сюда, в добротные квартиры, недавно и жить здесь удобно, от центра недалеко, рядом река, залив, лес. Пусть растут семьи, женятся и выходят замуж дети — места всем хватит. Здесь, в новом микрорайоне, есть и детские сады, и магазины, и библиотека, и Дом быта, вон Дом семейных торжеств открыли, автобусы — пожалуйста — двух маршрутов. А гордость взрослых и детворы, конечно, новая средняя школа более чем на тысячу мест. С просторными классами и коридорами и расположена — в центре микрорайона. Архитекторы и строители постарались от всей души..

Но в ту самую осень, когда сюда пришла комплексная бригада Владимира Семеновича Кардашенко, здание школы предстояло еще достроить. Оно было без окон и дверей и прочей столярки, какую обычно ставят плотники. Вдруг смотрю: за день на первом этаже установили оконные блоки. Так, думаю, плотники появились. Кто же? Школа рядом — зашел вечером. Володю увидел сразу же.

Невысокого роста, уже не молодой, но еще крепкого телосложения, про таких говорят — в детстве занимался штангой. Узнаю его и з сумерках по бодрой молодцеватой походке. Рабочая куртка, брюки — все подогнано по фигуре, но не стесняет движений. Слегка обветренное от долгой работы на открытом воздухе красноватой бронзы лицо. Кепка с коротким козырьком.

Мы с ним старые товарищи. «Здоров!» — «Здоров!» — «Ох и крепкая у тебя рука!

Давненько не виделись... А загорел-то как за лето. На Черное море, поди, ездил?» — «Ездил». Смеется с лукавинкой. «На курорт Приамурский. Знаешь такой — на-а вы-со-ком берегу Амура, где часовые родины стоят? И они вот со мной». Володя кивнул в сторону бригады. «Галерею передачи песка на новом заводе видел? Она вы-со-окая. Так вот на ней и загорали, к солнышку поближе. Оттого такие черные».

А всерьез сказал, что летом он посылал в поселок Приамурский на строительство завода силикатного кирпича по пять, шесть человек — до трети своей бригады. Для стройки — капля в море, для коллектива, что оставался на городских объектах, — ощутимый урон. «Городским» приходилось работать за двоих, чтобы выполнить сдаточную программу. И вот в сентябре, за несколько месяцев до пуска завода, бригада прибыла на него в полном составе.

Оказалось, что присылай сюда еще столько же рабочих, дела хватит и на них. Кардашенко разделил бригаду на звенья. Одни пошли на высотную галерею подачи песка, другие — на очистные сооружения, третьи — на главный корпус. За месяц два десятка человек сделали сотни квадратных метров сложнейшей опалубки, приняли десятки кубометров бетона, уложили немало лотков под коммуникации, выполнили специальные плотнические работы на высотной галерее, остеклили главный корпус, соорудили леса для отделочников. Пора было уезжать. На прощание начальник участка пожал руку: поблагодарил за помощь.

— Хорошая у тебя бригада, Кардашенко.
— Понравились? Так мы еще па месячишко останемся. А, ребята? Вот только школу достроим и обратно к вам...

Плотники устанавливали оконные и дверные блоки, здание школы преображалось на глазах. «К зиме его можно утеплить и начать отделку», — считал Кардашенко и прикидывал, как лучше это сделать. Сюда, в третий микрорайон, мимо пятиэтажных крупнопанельных домов он ходил с чувством первостроителя. Сколько интересного мог бы рассказать бригадир его жителям. Ведь это он с товарищами строил здесь первый дом и многие другие по улице земляка Героя Советского Союза Иосифа Романовича Бумагина. Тогда на берегу ручья Безымянный не было ровным счетом ничего. А сегодня живут около десяти тысяч человек.

...Через неделю Кардашенко неожиданно покинул школу. Об этом я узнал много позже из его же рассказа.

— Подзывает меня начальник участка: «Володя, после работы велено собраться всей бригаде в управлении». Спрашиваю его: «Не знаешь, зачем?» — «Передали: на беседу». Приходим мы вечером в красный уголок, а там уже вся бригада каменщиков Конькова Владимира Петровича. Пришел наш начальник управления Аксельрод Михаил Григорьевич и заявляет: «Есть решение перевести вас в новое строительное управление. Всем составом, две бригады. И жалко с вами расставаться, но таков приказ управляющего трестом».

Мы все в недоумении. Как перевести? Временно? И что за новое управление, откуда оно, для чего?

Всего мы ожидали. Но такого! Сидим, в пол смотрим, не знаем что и сказать. Начальство, видимо, тоже не ожидало такого поворота событий. Чувствуют все себя неловко. Тут Аксельрод попытался нас расшевелить: «Ребята, я вас не понимаю. Чего вы молчите? Или я к вам плохо отношусь? Я же вас не по доброй воле. Да и не так далеко уходите, в нашем же тресте остаетесь». Кто-то спрашивает: «Как же так, Михаил Григорьевич, по 15—20 лет отработали, и на тебе, не нужны стали». Он: «Да что вы, товарищи. Новое управление создано специально для ускорения работ на заводе «Дальсельмаш» и здании областной филармонии. А ваши бригады имеют большой опыт строительства промышленных объектов. Так что кандидатуры самые подходящие».

Ну, вроде убедили. А когда стали расходиться, Аксельрод попросил меня остаться на пару минут и говорит: «Володя, разве мы хотим, чтобы вы уходили? Разве у нас к вам есть какие-нибудь претензии? Почему такая реакция? Почему все словно сговорились и так единодушно согласились перейти? Я ожидал, что разговор пойдет по-иному».

Не понял я его сначала. Он пояснил доверительно: «Одного, двух можем оставить. Дадим тебе, Володя, новую бригаду. А?.. Подумай. Не спеши с ответом. Время есть: завтра выходите еще на школу».

А что мне думать. Я без этой бригады, как без души, не смогу. Сколько лет вместе. Мо-

жет быть, громко сказано, но мы действительно не просто группа людей, а коллектив. Объединяет нас не только работа, но и гораздо большее. Как бы это объяснить попроще: чувство товарищества, что ли. Общая цель, смысл жизни. Ну, вроде свои мы стали друг другу. Всего сразу не скажешь.

Так я ему популярно объяснил. А он на меня посмотрел, будто впервые увидел: «Да ты — философ... Но все же подумай, взвесь еще раз».

Нет, не могу я вот так просто бросить коллектив, с которым меня связывает многолетняя дружба. Да и бригада создавала всю остроту момента.

Помню, подошел я к Ковалеву. Ему было скоро на пенсию идти по возрасту. 23 года он честно трудился в СУ-254, и уж кому-кому, а ему не было никакого резона менять место работы. Я говорю: «Миша, ты же потеряешь надбавку к пенсии. Может, остался бы?» Он отвечает: «Ну, что ты, Володя, как же я брошу бригаду?» Я ему тогда твердо сказал, что со своей стороны буду добиваться положительного решения этого вопроса.

Кардашенко не раз сходит к начальнику отдела кадров треста, к разным юристам. Везде он задаст один и тот же вопрос: сохранится ли членам бригады непрерывный стаж для получения 20-процентной надбавки к пенсии. И получит неутешительный ответ. Везде ему будут сочувствовать, но...

Он уже собирался писать письмо в Госкомтруд СССР, когда узнал, что в октябре 1982 года Госкомтруд и ВЦСПС дали разъяснение, где, в частности, записано: не пре-

рывает стажа перевод работника в другую организацию в составе структурного подразделения... Как хотела бы услышать эти слова бригада в свое время.

— Мы еще работали на школе, когда к нам приехал начальник нового стройуправления Ким Львович Кунин, — продолжал Володя. — Представился коротко. А чего представляться, его и без представления строители хорошо знают. Последнее время работал начальником управления производственно-технической комплектации треста Биробиджанстрой.

Кунин нам бодро, по-мужски: «Не робей, ребята! Будем строить главный корпус завода «Дальсельмаш». Объект — во! Интереснейший. Внимание ему теперь будет уделяться особое. Построим завод — считай, внесли свой вклад в выполнение Продовольственной программы. Вот так. А то, что вы согласились перейти в новое управление всей бригадой, — прекрасно: будет хороший костяк нашему молодому коллективу».

В тот же день Кунин помог перевезти бытовку бригады Кардашенко на территорию завода «Дальсельмаш». На школе не осталось никого. Свободно гулял холодный октябрьский ветер по пустым незастекленным этажам...

Решение бригадира кое-кому казалось непонятным. Поговаривали, что оно было поспешным: люди, мол, потеряли ни за что ни про что надбавку к пенсии. Обошлись бы те в новом управлении и без лучшей бригады СУ-254. Размышлял над этим фактом и я.

Действительно, решение пришло сразу. Но было оно зрелое...

С Володей Кардашенко я познакомился в Биробиджане, когда только-только начинал свою трудовую жизнь. Это было далекой весной 1960 года. Лазурными погожими днями звенела капель, быстро таял снег. Через месяц на нашей строительной площадке, казалось бы в самых неподходящих местах, пробилась бледно-зеленые травы, вспыхнули яркие желтым ковром нежные звездочки одуванчиков, и потянулись навстречу солнцу обнесенные забором молодые тополя. Мы радовались пробуждающейся природе: были молоды, полны сил и энергии. Он уже хорошо знал плотницкое ремесло, искусно владел топором, пилой, ножовкой, молотком, рубанком. Учил и меня строительному делу: как правильно ставить опалубку, «подшивать» потолки, укладывать лаги, доски и другое.

Старенький деревянный дом максимум на шестнадцать квартир мы подпирали со всех сторон листовыми стойками и начинали разбирать. Поначалу — нижние венцы, потом — средние. Иногда так доходили до крыши, а затем и ее ремонтировали. Чудно было видеть домики на курьих ножках.

Но вот на площадку привозили свежепилёный брус, от которого приятно пахло смолой и сырым деревом, оконные и дверные косяки, половые доски. И начиналась другая работа. Весело звенели топоры и пилы, стучали молотки. За какие-нибудь три-четыре недели плотники выводили дом под крышу.

Издrevле рубить дом было делом почет-

ным, увлекательным, но отнюдь не легким. Приходилось нам и матушку-землю копать. Бывало, долбили ее, мерзлую, вручную. Тяжело. Дома мы ремонтировали старенькие, которые, быть может, строили еще первые переселенцы, приехавшие в тридцатые годы обживать Приамурье. Жилье стояло на деревянных фундаментах. Хотя «фундаменты», пожалуй, громкое слово для трухлявых столбиков, уходивших в грунт на полтора, два метра. Их приходилось выкапывать и выбрасывать, а в образовавшуюся ямку ставить па стоящие бетонные опоры.

Маялись с землей все: грунты в Биробиджане тяжелые. Техники не хватало, да и применить ее можно было далеко не везде.

— Ты ломиком бей в одну точку, — подсказывал мне Володя. — Так куски откалываются крупнее, быстрее до талого грунта доберешься. Он брал ломик и показывал, как это делается. И, поплевав на рабочие рукавицы, весело подмигивал: «Не боги горшки обжигают...»

Володя никогда не унывал. С ним всегда было легко и весело. Таким и запомнил его. Позже меня призвали в армию и наши пути-дороги разошлись. Встретились мы с ним уже на большой стройке, через много лет. Обрадовались друг другу, разговорились, вспомнили о прожитых годах. Спросил его и про новую работу.

— В 254-е стройуправление я пришел в 1962 году, — рассказывал Володя. — А знаешь, как это было? Уходить из ремстройуправления мы вот так же не хотели. Надо было помочь управлению сдать дом. Нас шесте-

рых попросили на нем поработать. Меня назначили старшим.

Пришли туда, а нам сразу дают незнакомую работу — настилать полы из рейки. В ремстройуправлении, ты помнишь, у нас рейки не было.

Я кивнул и продолжал его слушать.

— Ну, мы денек-другой «приспосабливались» к ней. А потом дело пошло и пошло. Их плотники смотрят, вижу: рады-раде-хоньки. Толковые, говорят, ребята попались. Удивляются, как это так мы смогли быстро освоиться. Подружились с нами.

Где-то через месяц, когда дом был готов, — сдали мы его в срок, — подходят к нам бывший начальник участка Виктор Тихонович Жарких и тогдашний председатель стройкома профсоюза, ветеран-первостроитель города Фира Моисеевна Кохман — ты их знаешь. И говорят: «Ребята, да вас нельзя отпускать. Вы у нас очень хорошо потрудились. Нам такие строители вот как нужны! Может быть, останетесь? У нас тут столько техники (а у них действительно были краны, электро-рубанки), новое строительство. Перспектива! Дело интересное, оставайтесь, не пожалеете...»

Словом, уговорили. И я действительно ни разу не пожалел. Сколько интересного было за эти годы, где только ни побывал — всего не расскажешь.

Позже я много раз встречался с Володей Кардашенко. И всегда радовался его успехам.

Как-то однажды он рассказал мне про свои детские годы. С затаенной грустью вспоминал домик в Коломне, где вырос, школу ФЗО, в которой учился, телогрейки, скудные пайки

военного лихолетия, как искали с матерью после войны родственников...

Нашли-таки на Дальнем Востоке в поселке Биракан двоюродного брата. И хотя у него совершенно негде было поместиться, Кардашенко с матерью в 1950 году переехали к нему: слишком велика была тяга увидеть близкого человека, жить с ним вместе.

— Жили мы втроем в одной комнатухе при конторе бумажной фабрики. На нее я устроился работать плотником. Хотелось строить, чтобы людям легче жилось.

Больше всего ему нравилось плотницкое ремесло. После службы в армии Володя вернулся к нему, но уже в Биробиджан, где родители купили домишко. Стоял он недалеко от того места, где теперь высятся каменные пятиэтажные дома (в одном из которых семья Кардашенко заслуженно получила хорошую квартиру).

Биробиджан — красивый современный город. Десятки многоквартирных домов, школ, детских садов, несколько промышленных предприятий, прекрасные здания филармонии, гостиницы, облизпокома и обкома партии, узла связи и Дворца пионеров, а сколько объектов за пределами города: санаторий «Жемчужина Хингана», Бабстовский животноводческий комплекс, завод силикатного кирпича в поселке Приамурский — в каждый из них есть личный вклад Кардашенко. И — не малый. Свидетельство тому — всеобщее уважение товарищей, ордена «Знак Почета» и Дружбы народов, звание «Заслуженный строитель РСФСР».

Простой список объектов... А за ним два

десятилетия напряженного труда! И в мыслях все не охватишь: высвечиваются эпизоды.

...Это случилось во второй половине дня. В одном из центральных водоводов Биробиджана резко упало давление. Насосная станция работала на полную мощность, но вода в город не поступала. Произошла серьезная авария.

Вскоре стало известно: место повреждения магистрали — дно реки Биры. Срочно вызванная из Хабаровска группа водолазов определила, что прорванный весенним ледоходом дюкер восстановить нельзя. Тогда городская комиссия по борьбе со стихийными бедствиями решила соединить водовод, проложив новые трубы по берегам реки через мост. Для жизненно важного дела срочно понадобилось большое количество людей и техники.

— Узнал я об аварии в конце рабочего дня, — вспоминал Кардашенко. — Складывали инструменты, переодевались, в мыслях видели себя дома. А тут такое. Быстро собрал всех, объяснил случившееся. «Кто может, на машину — и к мосту. Нас ждут». Не приказывал, просил.

Они все пошли за ним. Такими людьми и сильна его бригада. Вместе помогали механизаторам укладывать на насыпь тяжелые железобетонные перемычки, подсыпали гравий до нужной отметки, принимали стальные трубы — делали, что могли.

Я был здесь в момент аварии холодной апрельской ночью. Вдоль студеной реки дул порывистый ветер, клонил к земле редкий тальник. Хрустел лед, чавкала под сапогами вода. При свете автомобильных фар и кост-

ров укладывали трубы до двух часов ночи, пока не пришла смена.

Повседневная жизнь стройки иная. Но и она проверяет людей на прочность, умение, сноровку, мастерство. Есть эти качества — сроднится человек с профессией на долгие годы. Нет — плывет по течению дальше. За четверть века Кардашенко встречал разных людей. Одни, как приходили, так и уходили, лишь чуть-чуть попробовав «хлеба» строителя. Другие продолжали трудиться.

Кардашенко может дать точную характеристику каждому. Как-то он принес в редакцию заметку о шестерых братьях Быковых. «Мне особенно приятно рассказывать о них, потому что добрая половина начинала свою трудовую биографию в нашей бригаде, — писал наш рабкор. — И почти все они стали строителями. В 1963 году пришел в бригаду Анатолий. От трудностей не бегал. С первых же дней выполнял плотницкие работы, столярные, и причем большой сложности. В коллективе сразу приметили: будет из парня толк.

Вскоре встал вопрос о создании в управлении еще одной комплексной бригады. И, чтоб не формировать ее вновь с известными трудностями становления, решили разделить нашу. Лучшей кандидатуры на должность бригадира нечего было искать. Анатолий Быков возглавил новый коллектив. Теперь он сильный и сплоченный, постоянный соперник нашей бригады в социалистическом соревновании. Об успехах можно судить по такому факту: Анатолий удостоен юбилейной Ленинской медали и ордена Трудовой славы III степени».

— Поделится я с ним без обиды, — рассказывал Володя. — Взял список бригады, и, кто под четным номером — остались у меня, кто под нечетным — пошли к Быкову. Очень жаль было расставаться с товарищами.

Уходили люди и после разделения бригады. Но совсем по другой причине. От плотника до прораба вырос Юрий Литвин. После окончания школы пришел к нам Сергей Новиков. Товарищи помогли ему освоить специальность плотника. Потом парень поступил в политехнический институт, успешно окончил его и сейчас работает мастером в СУ-256 треста Биробиджанстрой. Вырос в нашей бригаде до мастера монтажного участка СУ-254 Анатолий Кукланов.

А на их место приходили новички, подчас без специальности. И так повелось в управлении, что «трудных» ребят направляли к нам в бригаду. Одним из таких был Володя Воробьев. Теперь — настоящий рабочий. Закрепили его за опытным наставником, ветераном Великой Отечественной войны Алексеем Соколовым Бочаровым. Топор или молоток в его руках будто играет. Любое самое сложное дело поручи — выполнит. Взглянет на чертеж — сразу определит: так-то и так надо сделать.

Помнится, на здании Дворца пионеров и школьников, что построили в начале одиннадцатой пятилетки с оценкой «отлично» (по общему мнению строителей, проектировщиков, архитекторов — это лучший в нашем крае Дворец для детей), бригада выполнила большой объем плотницких работ. Каким красивым получился амфитеатр! Но сколько труднейших технических задач пришлось решить.

Вот где потребовались опыт, умение, сноровка — настоящее мастерство. И его проявил каждый. Рассказывают, Алексей Сократович собирал сложную опалубку для бетонирования плавательного бассейна. Молодой мастер решил поправить плотника: в споре настоял на своем решении. Сделали: оказалось, что зря молодой строитель не прислушался к совету ветерана-рабочего.

— Жаль, уходят ветераны. Провожаем мы их на заслуженный отдых. Вот и дядя Коля — плотник наш Николай Павлович Бурков — более десяти лет проработал в бригаде. Специалист — каких поискать. Роскошная темная борода, богатырская фигура. Но годы, годы пролетели... Многие строители прошли его школу — трудовую, жизненную. Есть что вспомнить ветерану Отечественной.

Кардашенко может рассказывать часами об особенностях характера, способностях и даровании его товарищей. С каждым умеет поговорить по душам, постоять за него, если надо, поддержать добрым словом и делом. Люди отвечают взаимностью. Наверное, поэтому не мог и не хотел расстаться он с бригадой.

Главный корпус завода «Дальсельмаш» казался мне серым и неприветливым. В огромных стальных пролетах свободно гулял осенний ветер. В незастекленные оконные проемы залетали первые одинокие снежинки — вестники приближающейся зимы. В недостроенном корпусе не было ни души. Его прежние хозяева поспешно ушли, забрав с собой всю технику, инструмент и приспособле-

ния. Даже рубильники с кабелем, и те прихватили.

— Ободрали объект как липку, — встретил меня Володя. — А о том не подумали, где нам теперь все брать. Управление-то «бу-мажное» — ни кола ни двора. Не по-товарищески так поступать.

Они сделали из досок временные склады, навесы и занялись остеклением корпуса.

По крутой винтовой лестнице взбираемся на крышу главного корпуса. Она похожа на крупные океанские волны, несущие на своих гребнях громадные ящики. Это фонари. Их предстояло застеклить.

Осмотрев крепление рам, Кардашенко сказал: «Снимаем их вечером. Стеклим па крыше. Вшестером навешиваем. О применении какой-либо подъемной техники на покато́й крыше не может быть и речи». «А тут еще одна проблема, — продолжал бригадир. — Сняли мы рамы, подняли на крышу пачку нарезанного по размерам стекла, ленточную уплотнительную резину. Она оказалась незнакомой формы и никак не хотела заходить на свое место. Немели и мерзли пальцы. Дело продвигалось медленно. Словом, «завязли».

«Что с этой резиной делать?» — спрашивал у руководителей участка и управления. Те разводили руками.

Пригласили специалистов из треста Оргтехстрой и представителя заказчика. Но и они ничего утешительного не сказали. До начала ноября закрыли всего 500 квадратных метров фонарей. Подумали мы, подумали — нет, ничего подобного в нашей долгой практике не было.

Предлагали греть резину у костра. Но из этого тоже ничего путного не получилось. Разделил бригаду на два звена: одно возглавил сам, во втором назначил старшим Николая Павловича Буркова. Остекление фонарей пошло быстрее, но не намного. Резина на морозе делалась каменной, стекло в нее не садилось, хоть убей.

«А что, если смазать ее тонким слоем солидола?» — предложил наш Валерий Павлович Раздобаров. Принесли банку солидола. Слегка намазали им уплотнитель. И стекло пошло в него, как по маслу.

Мы его давай поздравлять: «Молодец, здорово придумал! Наконец-то нашли решение».

Это был наш первый успех на новой стройке. Работали так быстро, что вскоре кончилось стекло. «Утепляйте деревоплитой», — дал нам команду Кунин. И тут оригинальное крепление предложил Бурков. Бригада справилась и с новой задачей. А вскоре столкнулись с другим незнакомым делом — строительством вентиляционных камер. Металлические уголки, штамп-настил, деревянные рейки собирали в единую конструкцию так, что сразу и не разберешь, что к чему.

Венкамеры ставили мы на отметке десять метров. Работа для монтажников-верхолазов: соблюдали особую осторожность. Дело оказалось нелегким. Сверху скапливался тяжелый воздух. На высоте движения ограничивались узкой площадкой. А тут еще стекловата начала «донимать», будь она неладна, никак ее не уложить, чтобы не просыпать мелкие частички. Они попадали на одежду, «кусались», мешали работать. Ну, тут один това-

рищ вспылил: «Нам положено нарукавники, пусть дают. Почему должны мучиться с этой стекловатой? Ты, мол, не требуешь их от начальства...» Я ему спокойно: «Требую, но нарукавников пока нет. Застегни рукава куртки поплотнее, меньше иголок попадет на тело».

Мне не понравились тон и манера высказывания, словно он был сторонним наблюдателем. Зная вспыльчивость его характера, решил — пусть остынет. После работы вся бригада собралась в бытовке. Переоделись, умылись, поделились впечатлениями. Как всегда, уточнили сделанное за день, распределил я работу на завтра. Таково мое многолетнее правило. Считаю: скажи человеку, чем он будет заниматься с утра, тот еще с вечера непременно подумает об организации рабочего места. А это полдела на пути к успеху.

Все начали выходить из бытовки, я тому парню и говорю: «Толик, задержись немного».

Присели на скамейку за длинным обеденным столом. Смотрю: настороженный, выжидающий взгляд. Спокойно, как бы рассуждая сам с собой, говорю: «Это верно, что нам нарукавники иметь положено. Но где же все сразу взять: управление только-только создается. Представь себе, что будет, если мы все по-твоему начнем кричать. Ты же мог по-товарищески подойти и сказать: так, мол, и так...»

Он видно понял: «Не обижайся, Володя. Вспылил я днем. Тяжело работать с этой стекловатой».

Я ему: «Тяжело всем, Анатолий. Но никто от этой работы не бежит. Давай лучше поду-

маем вместе, как ее облегчить».

Гляжу, оживился: «Да я уж думал. Ничего в голову не идет».

На другой день идея пришла. Но кто его знает, может, она выведенного яйца не стоит. Посоветоваться надо с мастером. Встретил в бытовке Бабушкина. Спрашиваю: «Сережа, ты был у нас на ветке?» — «Был. А что?» — «Давно?» — «Сегодня». А сам смотрит, не понимает, чего мне от него нужно. «А пенополистирол там есть, белый такой, мелкими шариками?» — «Ну что ты мне объясняешь. Видел я там эту химию. А тебе она за чем?» — «Есть идея, Сережа. Заменить им стекловату. Мучаемся мы с ней. И толку мало. А на Дворце пионеров мы пенополистирол уже применяли. Красота! Работать с ним одно удовольствие».

Вижу, мастер задумался. Каково будет решение.

«А что, — говорит, — идея хорошая. Я — за. Сходи в оке — согласуй с заказчиком».

Ну, я мигом в заводууправление. Так, мол, и так. Все выложил. Там посмотрели технические условия и дали «добро». В этот же день нам привезли машину пенополистирола. И дело пошло.

Осенью 1983 года Владимир Семенович Кардашенко показывал мне свой новый объект — здание областной филармонии. Мы забрались на самый верх, откуда открылась панорама Биробиджана. Вот она — осуществленная мечта первостроителей: белокаменный город на Бнре. Не всем довелось его увидеть. И у него, Владимира Кардашенко, уже

серебрятся волосы.

— Ты о чем задумался? Как считаешь, успеем к юбилею? — спросил Кардашенко. — Сложный объект... Годик бы еще, да нет его — в июне надо сдавать. Крайний срок. Говорят, придут к нам иностранцы, смотреть, как живут советские евреи. Это — и как я живу. Вот тут бы, в здании филармонии, и принять гостей.

Вся страна помогает нам строить, так что должны успеть к сроку. А здание будет великолепное. Таким можно гордиться.

* * *

В июне 1984 года в Биробиджане состоялось торжественное заседание, посвященное 50-летию образования Еврейской автономной области. Оно прошло, как и намечалось, в новом здании областной филармонии.

«Когда-то здесь была 'каторга. В 1909 году к этим заболоченным таежным местам вместе со строящейся Сибирской магистралью подогнали и тысячи каторжан. Под звон кандалов они строили эту дорогу. По их костям она протянулась далеко на восток.

Здесь свирепствовал надзиратель Гвоздь. Не было лютее его зверя во всей тайге. За малейшую провинность он забивал людей до смерти. Воплями оглащалась тайга, потом и кровью орошалась земля...

Здесь была каторга. Потом, образовался маленький разъезд: несколько избышек да охотничьих халуп.

А теперь Облучье город. Бурлящий и живой. Мощные гудки депо, вагоноремонтного завода, электростанции зовут к началу трудового дня.

На красавцах паровозах выезжают лучшие машинисты города Смордников, Русяев, Губа и Фомин. Каждый день жители города узнают о новых трудовых победах своих земляков.

Токари депо Смолыгин и Трегубое неизменно выполняют по 3—4 нормы. Мастер промывочного цеха депо орденоносец Самолетов досрочно выпускает на линию из ремонта паровозы. А в вагоноремонтном пункте электросварщица Катя Макиенко — депутат областного Совета — ловко орудует сварочным аппаратом, выполняя каждый день по 3—4 сменных задания.

Ровные дороги уходят от города в тайгу: к золотым приискам, к амурским колхозам. Двигаются по ним машины и телеги, груженные товарами, продуктами сельского хозяйства — богатством колхозного урожая.

На месте бывлой каторги, в тайге, расцвела чудесная жизнь».

Биробиджанская звезда. 1940 г.

и. Филипкина

Дубки у светофора

НЕЛАСКОВ ОКТЯБРЬ В ОБЛУЧЬЕ. Быстро стирает он теплые краски ранней осени. Разделся клен, разбросав окрест багряные звездочки, уронили наряд береза и тополь, облетела осина. Жмутся сухие листья к на-

сыпи, стелются шуршащим одеялом по остывшей земле. Только дубки, совсем не могучие с виду, — но кряжистые, невысокие — стоят близ светофора в зоне четного парка депо, и нипочем им ветер. Они выдержат зимнюю стужу, уцелеют в мартовские выюги. Никто не уловит тот миг, когда скрюченную темную листву заменит вдруг свежая зелень, вобравшая в себя живительные соки, силу и стойкость этих деревьев.

Идут мимо дубков поезда. Легко ведут тысячетонные составы локомотивы на электрической тяге, и уже забыла матушка железная дорога о труженике-паровозе, дымок которого воспет и в песнях и в стихах. А люди помнят...

Тридцать пять рабочих лет провел в будке машиниста Максим Федорович Левин. Сначала кочегаром, потом попал в помощники к бывалому облученскому железнодорожнику Панченко. Понравился тому малограмотный парень, переселенец из Тулы. Пообещал:

— Сделаю я из тебя, Максим, машиниста с большой буквы.

И сделал. Конечно, это была совместная работа: Панченко учил, Максим со старанием постигал науку.

— Кидать уголек, чистить топку да гайки подкручивать — это не самое трудное в нашем деле, браток. За спиной у тебя — государственное добро или, скажем, груз, которому цены нет, — люди. Не только разумом постичь, но и телом, лопатками ты это чувствовать должен. За реверсом не зевай: глаз замечает, голова соображает, а руки делают. Маршрут у нас один, известный, кажется, до кустика.

Ан нет — каждый рейс, он разный, потому что меняется обстановка на путях, погода и жизнь неожиданности вносят. Паровоз состав тянет, а у тебя ноша потяжелей. Уразумел?

И вот — самостоятельная поездка.

— Первый поезд вел затаив дыхание, — вспоминает Максим Федорович, — Холодок по спине от волнения. Постепенно расслабился, но каждый состав всю жизнь «лопатками чувствовал».

Во время Великой Отечественной войны местная газета писала: «Впереди по выполнению взятых обязательств идут паровозники бригад старших машинистов Свинарёва, Левина, Кустова. Бригада М. Ф. Левина крепко придерживается наркомовского графика, превышает техническую скорость и сэкономила за последнее время 32 тонны угля».

В поездке находились по шестнадцать часов без отдыха — подмены не было, машинистов не хватало. На десятиминутных остановках едва успевали прочистить поддувало топки да заправиться водой и топливом. Максим всегда помогал парнишке-кочегару, который буквально валился с ног. Но легче казалось перекидать тендер угля, чем в долгом бессонном пути ни на секунду не забыться: так они уставали.

Уже будучи опытным паровозником, Максим Федорович в каждом рейсе был предельно собран и бдителен, экономен в расходе топлива, ласков к своей верной «эмочке», номер которой и сейчас назовет не задумываясь, хоть ночью разбуди, — «М-73131». Все в депо искренне радовались, когда одну за

другой вручали Левину награды: медали «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть», орден Трудового Красного Знамени. Поистине, труд — жизненный подвиг этого человека, труд не только профессиональный, но и тот, что выпал на его долю в семье, необычная история которой началась в тридцатых годах.

Максиму исполнилось восемнадцать, когда он в один месяц потерял родителей. Отец погиб на лесозаготовках, мать умерла от простуды. В Туле, откуда приехали Левины по переселению, родных тоже не осталось. Сам Максим хорошо владел топором и мог бы безбедно прожить на заработок лесоруба, если бы не особое обстоятельство, в силу которого он не мог подрядиться вальщиком и уехать на сезон в таежное урочище. На руках парня остались шестеро братьев и сестер. Самому младшему — восемь месяцев... Перед смертью мать ни о чем не просила Максима, но он твердо решил никому не отдавать детей, не разлучать их.

«Как-нибудь проживем», — отмахивался от сердобольных советчиков.

Пошел учеником в депо.

«Как-нибудь» — легко сказать, а на деле это значит, что на счету каждая копейка, корочка хлеба, каждый лоскут. Детей постарше он сразу приставил к делу. Аниска, двенадцати лет, нянчила малышей, стряпала. Петр и Николай носили воду, дрова, убирали в доме. Общими усилиями обрабатывали земельный участок, ходили в тайгу за грибами, ягодами, ловили рыбу.

Если бы Максима спросили тогда, чем он больше всего дорожит, он бы ответил: рабо-

той. Для парня, еще не охваченного ликбезом, она была сначала источником дохода, необходимого, чтобы прокормить семью. Но вскоре пришла к нему радость познания причастности к большому коллективу, к общему делу. Люди дивились старательности Левина и тому упорству, с которым он постигал слесарное мастерство, а когда узнали, что он бедствует с большим своим семейством, хлопотали, чтобы парня перевели в кочегары на более высокий заработок. Максим повеселел, хотя между поездками почти не отдыхал.

— Жениться бы тебе, — присоветовал кто-то, наблюдая, как кочегар вывешивает на рассвете белье, заштопанное и выстиранное ночью.

Максим нахмурился, разговора не поддерживал, только усмехнулся — кто же пойдет на такую ораву... Но невольно подумал о Тасе, девушке из соседнего дома. Тоже сирота, живет у старой тетки. Ладная девчонка и на него вроде бы с интересом поглядывает, да только куда ей... Всего семнадцать стукнуло...

Вскоре Панченко и взял его в помощники. После первого рейса окрыленный Максим решил наконец поговорить с Тасей.

— Машинистом стану, грамоте подучусь, — обещал он. — Только пацанов не брошу. А с ними, прямо скажу, трудно...

Тася, теребя пушистую косичку, сказала негромко:

— Вдвоем, поди, легче будет...

...Молодая женщина торопится, и малыш, которого только что взяли из детского сада, едва поспевает за ней.

— Мама, почему еще светло, а луну видно?

— Она тебе мешает?

Чуть погодя:

— А почему луна не круглая?

Мать молчит, занятая своими мыслями. И уже на автобусной остановке:

— Ой, шнурок развязался!

Шумный вздох:

• — Как ты мне надоел!

Женщина не замечает укоризненного взгляда Таисьи Яковлевны, которая вдруг спрашивает:

— И когда ж это он надоест успел-то? С утра ведь не виделись?

Женщина ничуть не смущается:

— Ох, баба Тася, от него и за пять минут устанешь: почему, зачем, когда... Морока.

Подходит автобус, и разговор обрывается. Таисья Яковлевна задумчиво смотрит в окно. Мелькают за стеклом знакомые улочки «нижнего» Облучья. Вот и школа, в которой учились ее дети, а отсюда до дома Левиных, стоящего по Комсомольской, 8, — уже недалеко. Строили в пятидесятых, когда жили еще все вместе. Теперь только Саша остался с родителями.

Максим Федорович встречает жену у калитки. Принимая покупки, по-стариковски ворчит:

— Нагрузилась-то зачем? Сашок позднее на машине б сгонял. Устала?

И, взглядевшись в лицо Таисьи Яковлевны, спрашивает:

— Да ты никак расстроена чем-то?

Ничего-то от него не скроешь, полвека рядом.

— Сашину одноклассницу встретила с сы-

нишкой. Сетует, что замаялась с ним. Один он у нее, к тому же весь день в садике. Сколько ж мне выпало в молодости... Сердце защемило. И жаль стало ее ребеночка.

Максим Федорович промолчал: он понял жену. Раньше, когда еще работал в депо, а Таисья Яковлевна хлопотала по дому, в котором никогда не было менее десяти членов семьи, не оставалось времени предаваться раздумьям о жизни, воспоминаниям. Дела, домашние заботы, неизбежные житейские хлопоты заполняли дни, месяцы, годы. Остановиться, оглянуться возможность появилась лишь сейчас. И все чаще выпадают минуты, когда защежит сердце былыми радостями или печалью. Впрочем, теперь-то ясно, ради чего прошли через них...

Редко бывает в депо Максим Федорович — на пенсии уже 16 лет. Но фамилия его называется там ежедневно — на оперативках, в диспетчерской, на профсоюзных и партийных собраниях. Правда, сопутствуют ей другие имена: Алексей, Виталий, Сергей, Александр. Все — машинисты. В трудовой книжке Виталия Максимовича Левина — тридцать восемь поощрений. Неоднократно награждался значком победителя социалистического соревнования, получал грамоты, премии. Виталий Максимович — член товарищеского суда, общественный инспектор по безопасности движения. Поездная колонна, возглавляемая Алексеем Максимовичем Левиным, — одна из лучших в локомотивном депо. Алексей Максимович носит звание «Лучший по профессии». Отличные служебные характеристики у Сергея Максимовича и его младшего брата

Саши — секретаря комсомольской организации цеха, члена обкома ВЛКСМ.

Язык характеристики точен, но сух. Люди говорят теплее:

— Все они, Максимовичи, — правильные ребята. Что на работе, что в семье. Мужья верные, отцы заботливые. Невестки в бабе Тасе души не чают, она им как мать родная. Внуков подарили дети старикам, тоже железнодорожниками станут — левинская порода...

И последний взгляд в прошлое. Семнадцатилетняя Тася стала, как говорит сейчас Максим Федорович, «пионервожатой в семье» и хозяйкой шумного дома. Сама же она вспоминает:

— С Аниской я в куклы играла. С мальчишками изучала букварь, арифметику. К учителю, к избачу бегала, чтобы на вопросы ребят ответить. Что я сама-то знала тогда?.. Понимала только, что ребенок — не кукла, к нему надо с полным уважением.

Постепенно подрастали мои воспитанники, уходили из дому, а на смену им — собственные дети... Шестеро сыновей у нас было, две дочки. Сейчас девочки в Солнечном работают. Николай после института по распределению на Камчатку уехал. Инженер он. А Володя... Погиб недавно в автомобильной катастрофе... Горе у нас такое...

Мужество и мудрость народная. Эти качества в полной мере присущи чете старших Левиных. Как-то в школе на родительском собрании один из отцов заявил, что у него не хватает времени на воспитание детей. Максим Федорович искренне удивился:

— Разве для этого особые часы нужны?

Ты ему, скажем, в обед минут сорок мораль читать будешь, а вечер с дружкой за поллитрой просидишь да анекдотами солеными побалуешься при пацане-то... А может, и до скандала с женой дело дойдет. Вся твоя мораль и пропала. Виталий наш тоже курить было начал, от учебы отлынивал, да только быстро сам в разум вошел. Уклад семейный не дал пустоцветом вырасти.

Как-то Левины за чайком говорили о преимуществе электровоза, о том, как легко, в общем-то, работать на этой машине. Вставил свое замечание и сам Максим Федорович.

— Батя, ты ж только под парами ходил, нашу тягу не знаешь, — заметил Сергей.

Помолчал немного Левин, а потом хитро улыбнулся:

— Тяга, Сергей, меняться может: пар, тепло, электричество... Только машинист все одно — состав «лопатками чувствовать» должен. Уразумел?

Стоят дубки у светофора в зоне четного парка депо. Встречают и провожают поезда. Вот еще локомотив на старте, ждет зеленого сигнала. В окне — машинист. Из-под фуражки с эмблемой на околыше блестят веселые глаза. Александр Левин принял состав весом в четыре тысячи тонн. Качаются дубки под ветром, дружески кивают Саше...

* * *

Умершего недавно М. Ф. Левина провожали в последний путь сотни железнодорожников Облущья. Траурной процессии отсалютовали протяжными гудками могучие локомотивы...

• • •

«...Главные занятия населения после революции — сельское хозяйство, рыбная ловля, пушной промысел, игравший до 1917 года первенствующую роль, начинают терять свое значение. Лесные работы, за исключением Биро-Биджана, развиты слабо. В большинстве старожильческое население занимается извозом и заготовкой дров...»

Из доклада агронома-инструктора
П. В. Носенко правлению Даль-
колхозсекции. 1929 г.

В. ГОРЕЛОВ

Лесничий

НА КАЖДОГО РАБОТНИКА РАЗДОЛЬНЕНСКОГО лесничества приходится более чем по четыре тысячи гектаров тайги. Просто обойти — недели не хватит. И это ведь не среднерусский лес — светлый, ровный, сухой. Здесь — почти джунгли. Минерализованные полосы исчезают под молодой порослью за полтора-два года. Вот лето 1985 года было жарким и буйным. «Почти тропики», — сказал Анатолий Моисеевич Коренюк. За какие-то полтора месяца пропаханные клином и бо-лотным плугом полосы зазеленели густым подростом березняка и осинника, перестали, случись пожар, быть преградой огню.

А он ожидался со дня на день. Тайга уже горела на подступах к границам лесничества со стороны Кукана. Сам Коренюк, его люди почернели от забот, тревоги и палящего зноя, патрулируя тайгу, обновляя минполосы, и уберегли-таки свое громадное хозяйство.

Он знает силу огня. Как кошмар горячего

брёда, вспоминает Кореньюк октябрь семьдесят шестого года. На пересохшую тайгу обрушился тогда ураганный грозовой ветер, и пошли полыхать кедры и ельники, погибая в пламени, как сушняк в костре.

Тогда они потеряли счет дням и ночам, спасая лес. Время идет, а боль в сердце от чувства, что ты слаб, что не хватает у тебя сил помочь твоему другу в беде, осталась и обостряется всякий раз, когда в пору засух потянет из тайги горьким запахом дыма.

Может, поэтому лесничий в такие дни жесток к себе и своим подчиненным.

Да, много сил отнимает у Кореньюка работа, которую в отчетах сухо называют предупреждением загораний. Пришел сентябрь, и зачастили дожди, в низинах и болотистых распадках стоит вода. Но обманчива эта кажущаяся благодать для леса. Вот придет октябрь, подсохнет и пожелтеет трава, даже если земля на метр напитана влагой, жди загораний.

А тут, как на грех, истрепанная на весенних и летних работах, встала техника. Да и техника — так, название больше. Пара допотопных вездеходов, трактор, выклянченный лесничим у добрых людей, грузовичок, на котором не сунешься дальше накатанной дороги. А нужна техника надежная, высокопроходимая. До начала октября надо обновить заросшие минполосы, нарезать новые. Нервничает лесничий, терзает телефон на связи с объединением, просит у соседей тракторы и лопаты. Время не ждет.

Вообще-то, после 76-го тайга в лесничестве не горела, хотя у Кореньюка и его помощников условия ничуть не лучше, чем у других.

Сумели они обеспечить необходимый объем работ в кварталах, организовали патрулирование и охрану так, что возможные причины возникновения пожаров сведены на нет. Мелкие же очаги, появившиеся, кстати, по крайней мере угодий, «залавливали», как говорит Анатолий Моисеевич, в самом зачатке.

Лесничество образовано не только, а вернее, не столько для того, чтобы его люди оберегали тайгу от огня. Работа эта, конечно, важная, но не главная. Лесничество дает древесину, и надо отводить под вырубку такие участки, чтобы и флоре не повредить, и древесину взять удобней было. Посадки ежегодные — хлопотное и кропотливое дело. Каждую весну коллектив лесничества прибавляет в своих угодьях по 200 гектаров кедра, сосны, лиственницы. Засаживаются старые горельники, рубки. Зимой и летом санитарные рубки, рубки ухода. Не соскучишься.

На днях мы с ним побывали в одном из кварталов. «Я покажу тебе что-то», — заговорщицки подмигнув, сказал Анатолий Моисеевич. Вышли на плоское предгорье, поросшее березняком и орешником, с проплешинами кочкарника. И здесь я увидел, что побуревшая уже зелень широколиственного мелколистного прорезана цепочкой молодых кедров в метр-полтора высотой. Крепенькие, упругие стволы деревьев увенчаны пушистыми кронами особого темно-зеленого цвета, присущего лишь молодняку хвойных.

«Попробую привить кедр в низине», — сказал Кореньюк и прочитал мне небольшую лекцию о прихотях этого замечательного, но капризного дерева. Любит оно дренированные

почвы на каменистых сухих склонах. Но вот попробуй стрелой кедр с вершины сопки, не поломав по пути подрост. Да и просто полюбоваться им или снять осенью шишки — в гору надо лезть. Удастся опыт, разведут кедр в объединении на легких местах — какая будет выгода государству!

«Им уже по семь лет, — уточнил Коренюк, погладив хвою ладонью. — Живут! За лето, смотри, как вытянулись. — И взял пальцами вершинку более светлого тона. — Приживаемость отличная».

«А ведь не верили, что опыт удастся. Ты, мол, Коренюк, денешки государственные вобьешь в сомнительное дело, а толку что. Убедил, упросил... Теперь у кого же язык повернется сказать, что кедр в низинах не приживается?»

Трудно было возразить — вот они, передо мною, сформировавшиеся, прочно ставшие на земле будущие гиганты, гордость и богатство нашей дальневосточной тайги. Благородное дерево — кедр.

Ах, как упоенно читал им, учащимся Вяземского лесотехникума, в конце пятидесятых лекции о кедре Николай Васильевич Усенко.

Стройный, с лицом старого русского интеллигента, тончайший знаток уссурийской тайги, ходок, экспериментатор и талантливый писатель, он сумел заронить в сердце тогда еще Толика страсть к экспериментам, разгадыванию тайн природы. Они, мальчишки четырнадцати-пятнадцати лет, обожали учителя и вынесли из стен техникума не только дипломы специалистов, но и частичку его страсти.

Наверное, у таких же преданных лесу лю-

дей учились в Вятке два помощника Коренюка — Володя Епишко и Витя Вишняков. Володя — гвардейского роста, мощный парень, обстоятельный и невозмутимый. Витя — живчик, ртуть. На нежном девичьем лице — светлые усы. Для солидности: и то сказать — командовать людьми, многие из которых в отцы годятся, — вид иметь надо.

С ними Анатолию Моисеевичу легко. Ребята падежные, исполнительные. Конечно, не все еще по молодости получается, но цепкие, время пройдет, характеры выкуются. Лесничего радует то, что парни — люди лесные и лесу преданные. Не гости на Дальнем Востоке.

Быть лесничим, лесником, рабочим в лесничестве — не мед, и не по грибы ходить. Рубки ухода, санрубки... Эта работа делается вручную, до бритвенной остроты отточенным топором. И в мороз-трескун, и в жару, набитую комарьем и гнусом.

Бывает, что жизнь бросает человека от одного берега к другому, и вот прибила к лесничеству. Две минуты — и в технологию он уже вник: вот эту поросль вокруг кедрового подростка сруби, уложи в штабелек. На топор, ступай.

Благодаря! Солнышко светит, ветерок овеивает, комар не тревожит. Помахивай себе топориком, дыши озоном, набирайся здоровья. Ан к вечеру в спину будто кто кол вбил — не разгибается. Хорошо еще, если до первой полочки такой выдюжит... Не для каждого, видите, лес и непыльная, по слухам, работа лесника.

Мы сидели с Коренюком в его более чем

скромной конторке, когда дверь открылась и в проеме вырос парень. О таких таежники уважительно говорят: «сохатый» — жилистый, ни капли лишнего жира. Когда Анатолий Валукин, так его звали, ушел, решив с Коренюком пару производственных проблем, Анатолий Моисеевич рассказал его историю:

«Вот так же открывается как-то дверь, и заходит длинный, худой и синий пацан. Говорит: «Дядя, можно мне к вам на работу?» Ну, думаю, работничка бог послал. А выбирать не из кого, люди во как нужны. Ладно, беру. Берег поперву, но, смотрю, пацан видом слабак, а характер есть. И что ты думаешь, через полгода Толя как соком налился. Раз зимой, вскоре после прихода, пошел с таксатором на Красные сопки, а там крутяки, будь здоров. Так он четырнадцать километров на себе механическую пилу нес, по снегу».

Так приходят и остаются в лесничестве люди, для которых тайга становится делом всей жизни.

Когда мы любимся нашей замечательной природой, не всегда вспоминаем о тех, кто бережет ее от злой стихии, от порчи и болезни, кто делает ее краше и богаче. Зовут их обобщенно — лесники.

❖ Они были первыми

Во время пребывания в Челябинске на открытии тракторного завода председатель ЦИК СССР тов. Калинин договорился с дирекцией завода о посылке в Биробиджан 5 тракторов из первой партии, выпускаемых заводом.

1930 г.

* * *

20 сентября 1932 года в Биробиджане начало работать первое предприятие государственной промышленности — швейная фабрика с двумя цехами. Было установлено 49 швейных машин. А в настоящее время она является одним из крупнейших предприятий легкой промышленности Хабаровского края.

* * *

В 1935 году одним из первых инициаторов станхановского движения был комсомолец Исаак Передников — фрезеровщик артели имени Димитрова. Полностью овладев станком, он довел выполнение нормы в смену до 530 процентов. В 1939 году И. С. Передников был призван в ряды Красной Армии. В 1942 году погиб в боях за Сталинград.

* * *

12 декабря 1937 года состоялись первые выборы в Верховный Совет СССР. В результате большой организаторской и массово-политической работы партийных организаций трудящиеся области проявили высокую политическую активность, глубочайшую преданность партии и Советской власти.

В голосовании приняли участие 98 процентов всех избирателей области. За кандидатов в депутаты голосовало 92,8 процента участвующих в выборах. В Верховный Совет СССР от области были избраны коммунисты А. Г. Вологин, знатный паровозный машинист, стахановец депо ст. Ин Дальневосточной железной дороги; И. А. Гольдмахер, потомственный рабочий-столяр, стахановец Биробиджанской мебельной фабрики имени Димитрова; И. И. Кропачев, политработник Красной Армии; Л. Я. Лишнянская, лучшая в области доярка колхоза имени С. М. Кирова Октябрьского района и первый секретарь обкома ВКП(б) Г. Н. Сухарев.

А * *

Первое рационализаторское предложение на комбинате «Хинганолово» внедрил в производство в марте 1946 года Федор Журавель. Оно называлось «Реставрация — насечка полотна напильников на токарном станке». Это предложение в трудные сороковые годы решило проблему с инструментом для строителей.

* * *

28 января 1959 года бригаде завода автотракторных прицепов, возглавляемой коммунистом Наумом Липовецким, первой в области постановлением Биробиджанского горкома партии присвоено почетное звание «Бригада коммунистического труда».

* * *

15 августа 1959 года газета «Биробиджанская звезда» сообщила, что за выдающиеся успехи в деле развития железнодорожного транспорта Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Социалистического Труда первому в Еврейской автономной области присвоено машинисту паровозного депо ст. Облучье В. М. Дубровину.

* * *

13 марта 1961 года бюро обкома КПСС одобрило патриотический почин молодых рабочих текстильно-швейной, трикотажной фабрик города Биробиджана и Тунгусского домостроительного комбината перейти на работу в сельское хозяйство. Было рекомендовано партийным и комсомольским организациям поддержать почин группы комсомольцев и молодежи Биробиджана и Смидовичского района.

* * *

В апреле 1976 года впервые в Еврейской автономной области бригада известного строителя Г. А. Найко начала вести монтаж жилья в три

смены. Обязательства, взятые в честь XXV съезда КПСС, коллектив выполнил. Это была его первая победа.

* * *

Первую рабочую диссертацию на тему «Организация работы по повышению качества на основе самоконтроля и взаимоконтроля» на заводе «Дальсельмаш» защитил в десятой пятилетке бригадир Исаак Спивак.

* * *

Первым лауреатом премии Ленинского комсомола среди промышленных рабочих области стал бригадир завода силовых трансформаторов Владимир Израйльевич Вульфсон. Она присуждена электромонтажнику В. И. Вульфсону за достижение высокой эффективности труда и качества работы в десятой пятилетке.

В прочные бетонные «рубашки» переодеты железнодорожные тоннели на высокогорном участке Архара — Бира Облученского транспортного узла. Подземные проходы для составов были сооружены еще в 1911—1914 годах. В период электрификации участка тоннели в их первоначальных габаритах не могли обеспечить подвеску контактных проводов. Коллектив специализированного Облученского участка треста Мостотоннельстрой в условиях непрерывного движения сумел в сжатые сроки реконструировать все пять тоннелей. Впервые в отечественной практике здесь был применен самоходный горнопроходческий комплекс, созданный строителями Московского метрополитена.

В музее рабочей славы локомотивного депо ст. Облучье есть необычный экспонат — трудовая книжка Ю. И. Филимонова. В ней всего одна запись: «Принят на работу в депо учеником слесаря...» и дата: 1935 год. Других записей в ней нет. Ветеран по-прежнему в рабочем строю, трудится слесарем в цехе контрольно-измерительных приборов. Пройдя через его руки, точнейшая аппаратура не нуждается в проверке — гарантия надежности ей обеспечена. Юрий Иосифович бодр, энергичен, ежедневно перевыполняет сменные нормы.

Через сорок минут после сигнала учебной боевой тревоги оказываются на самом нижнем горизонте шахты «Капитальная» комбината «Хинганолово» горноспасатели предприятия. Правда, за много лет бессменной вахты им не пришлось оказывать помощь горнякам — техника безопас-

ности на шахте неизменно на высоком уровне. И тем не менее подчиненные командира группы коммуниста В. Кузнецова не раз демонстрировали свою выучку, высокое профессиональное мастерство. Как-то в один из выходных дней горноспасатели ликвидировали крупную в системе откачки шахтных вод аварию; другой раз спасали от огня материальные ценности, погасив пламя на одном из производственных объектов поселка Хинганск.

На мощном лесовозе, который водит по таежным дорогам Николай Просяпнк, в июле 1983 года был укреплён красный флажок. Этой чести передовой водитель Бираканского леспромхоза удостоен за досрочное выполнение годового задания по перевозке древесины. Водители леспромхоза работают на одной из самых сложных трасс автономной области. Стокилометровый путь от нижнего склада к таежнымделям пересекает центр хребта Малый Хинган, и перепады высот на некоторых участках достигают пятидесяти метров. Однако шоферы хорошо изучили профиль трассы, а специальный механизированный отряд, созданный в леспромхозе, круглый год содержит полотно в надёжном рабочем состоянии. Ежегодно водители предприятия доставляют из тайги на переработку около 100 тысяч кубометров древесины.

Будуканская фабрика сувениров — предприятие сравнительно молодое.

Продукция фабрики — в основном строительная мраморная плитка, мелкие поделки и мозаичные панно, изготавливаемые по специальным заказам. Об уровне профессионализма фабричных мастеров можно судить, побывав в областной филармонии, где бираканской мраморной плиткой украшен зрительный зал.

К 50-летию области фабрика выполнила интересную мозаичную работу: панно с орденами Ленина и Дружбы народов.

В месяц фабрика изготавливает около ста квадратных метров плитки розового и белого цвета.

Лучшими рабочими здесь по праву считаются камнерезчики М. И. Череповский, Н. М. Бондаренко, шлифовщицы Е. А. Рязанцева, Г. В. Король, Р. А. Халимова, которые выпускают продукцию только высокого качества.

* * *

Около ста миллионов мальков дальневосточного лосося выращивается ежегодно в инкубаторах Блданского и Тепловского рыбопроизводных заводов.

На этих крупнейших в крае специализированных предприятиях получен самый высокий процент выхода молоди, в десятки раз превышающий воспроизводство лососей в природных нерестилищах.

Отменное здоровье малькам обеспечивают специальные питательные смеси, производство которых по заказу ихтиологов Амуррыбзавода освоил Биробиджанский комбикормовый завод.

Впервые в практике дальневосточного рыбоводства на Тепловском заводе провели интересный эксперимент: летом 1986 года несколько миллионов мальков отправились в дальнейший путь к океану не обычным путем, а в специальных емкостях, что дало возможность практически без отхода «доставить» их до устья Амура.

Культура— это образ жизни

В 1935 году делегаты I областной партийной конференции послали телеграмму М. И. Калинин, в которой говорилось: «Заверяем тебя, дорогой наш Михаил Иванович, что мы... со всей большевистской энергией будем драться за быстрый социалистический расцвет Еврейской автономной области, за расцвет социалистической по содержанию и национальной по форме еврейской культуры».

Этому принципу жители ЕАО верны до сих пор. А что такое культура? Это то, чем мы заняты в часы досуга, что смотрим в театрах, что читаем детям, как относимся друг к другу... Одним словом, культура — это образ жизни. О нем рассказывается в заключительной части книги.

«В Александровске работают 2 школы (для малограмотных и более подготовленных, на русском языке).

В Амурзете — 3 ликпункта (на еврейском, русском языках).

В Валдгейме — еврейский ликбез. В Тихонькой — 2 ликбеза.

В Раздольном — ликбез (на русском)».

Из доклада культис:структора.
16 января 1930 г.

В. СОЛОМАТОВ

Большая родня

ЗА ВЫСОКИМИ И ШИРОКИМИ, ПОХОЖИМИ на магазинные витрины, окнами — осень. В школьном дворе, усаженном молодыми деревцами, листопад. Кто-то счастливо придумал посадить здесь бересклет. И сейчас его багровые кустики напоминают маленькие костры. Они поеживаются под морозящим дождем, но не гаснут, не теряют внутреннего свечения. И только листья, обрываемые порывами холодного ветра, летят по школьному двору как искры.

Серафима Юрьевна смотрит в окно. У нее напряженный день — пять уроков: три в шестых и два в десятых классах. С выпускниками начали новую тему — изучение романа Максима Горького «Мать». В ходе урока выяснилось, что некоторые ученики книгу прочли «не до конца», что, естественно, Серафиму Юрьевну огорчило.

— Ну, и как же вы представляете в таком

случае нашу дальнейшую рай, ...? — спросила она ребят. — Как мы с вами будем разговаривать и судить о том, о чем вы представления не имеете?

— Да мы фильм видели.

— Прекрасно! Но фильм фильмом, а роман прочесть нужно. Иначе не понять всей горьковской глубины мировоззрения, не постичь того значения, которое имело это произведение для развития революционного рабочего движения в России, той роли, которую оно в нем сыграло. Я сегодня вами недовольна. От лени и нелюбопытства — один шаг к столь ненавистой нам бездуховности. Вы об этом много осуждающе говорите, а что делаете?..

Последней фразы произносить не следовало. И сейчас, мысленно восстанавливая в памяти разговор на уроке, Серафима Юрьевна досадливо морщится. Она привыкла к тому, что учащиеся на ее уроки приходят всегда подготовленными, уж во всяком случае произведение знают. А тут такая досадная осечка. И все же не следовало говорить с ними так резко.

С преподавателем русского языка и литературы биробиджанской средней школы № 5 Серафимой Юрьевной Каган мы знакомы уже третий десяток лет, еще со студенческих времен. Но, как это часто бывает, живя в одном городе, встречаемся редко. Я помню Серафиму активным членом студенческого научного общества, ее, правда, без особого внешнего блеска, без игры на зрителя, но всегда обстоятельные, богатые мыслью выступления на наших заседаниях.

После учебы в институте мы почти не встречались. Сначала она уехала по распределению в Теплоозерск, потом я уезжал из Биробиджана, а когда вернулся, круг служебных и жизненных интересов был несколько отстранен от школы. Правда, в разговорах коллег, занимающихся народным образованием, имя Каган звучало частенько. И с неизменным прилагательным «лучший». Лучший словесник, завуч, педагог, методист. И, может быть, поэтому странновато мне было видеть ее в расстроенных чувствах.

— У тебя что — неприятности? И почему домой не идешь, ведь рабочий день кончился?

Серафима Юрьевна оборачивается от окна.

— Господи, как ты от школы далеко! Ты разве не знаешь, что у учителей все не как у людей, — улыбается она несколько принужденно. — У нас даже новый год не в январе начинается, а первого сентября.

Двадцать пятый сентябрь встретила нынешней осенью Каган в качестве учителя. Двадцать пять раз входила она в этот день в класс, чтобы произнести программную фразу: «Литература — учебник жизни», сказанную на закате прошлого века Николаем Гавриловичем Чернышевским. Все эти годы отданы ею тому, чтобы приобщить детей к русской литературе, научить их родному языку, тому самому, который Иван Сергеевич Тургенев назвал «поддержкой и опорой в дни сомнений и тягостных раздумий», «великим и могучим».

Четверть века не сидели мы с Симой вот так — лицом к лицу, не разговаривали попросту, доверительно о жизни, о деле. Дол-

жен сказать, что за это время моя однокашница успела многого добиться.

При аттестации педагогов в 1975 году ей первой и в то время единственной в нашей области было присвоено звание «Учитель-методист». В 1983 — она награждена значком «Отличник народного просвещения РСФСР». А уж прочих поощрений, начиная с объявления благодарности директором школы и кончая Почетными грамотами Министерства просвещения СССР и РСФСР, — не счесть. За свою работу Серафима Юрьевна удостоена медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

1983 год стал переломным в ее судьбе. Отработав в биробиджанской школе № 2 свыше двух десятилетий, имея устойчивое положение, авторитет опытного педагога, пользуясь всеобщим уважением, Каган принимает решение перейти на работу во вновь открывшуюся в районе поселка имени Бумагина школу № 5.

— Интересно, чем ты свой переход мотивировала?

— Смешно сказать, — улыбается Серафима Юрьевна. — Тем, что на работу далеко ездить. Будто в нашем городе может быть «далеко». А тут мне, дескать, удобнее — школа рядом с домом.

— Ну и как отнеслись к твоему решению гороно, дирекция второй школы?

— Гороно, понятное дело, поддержало мою инициативу. Дело новое начиналось. Коллектив ученический только рождался. Сам понимаешь, «повивальные бабки» опытные нуж-

ны были. А вторая школа? По-моему, — смеется Серафима, — они разве что в ООН не писали протесты.

Однако Каган сумела настоять на своем.

— Ездить далеко — это, конечно, веский довод, — осторожно начинаю я. — Но ведь не это главное?

— Не это, — согласно кивает Серафима Юрьевна. — Понимаешь — привыкла. Привыкла к тому, что всегда лучшая, к стабильности положения. Почувствовала, что отстаиваюсь. Знаешь, это как на тренажере-велосипеде — крутишь педали быстро-быстро, и отдача вроде есть — здоровье укрепляешь, а все на месте. Вот в какой-то момент я себя таким гонщиком почувствовала. Вроде все есть — и почет, и уважение, а удовлетворения от работы прежнего, радости прежней нет. Творчество ушло, это тебе понятно?

— Циркачи в таких случаях говорят: «кураж потерял»...

— Вот-вот. И тогда я решила — с нуля все. В новом коллективе меня никто не знает. Нет, конечно, слышали, — есть такая Каган. Но в работе не видели. Взяла себе четвертые классы и восьмые. И классное руководство в 4 «А». Теперь он 6 «А». Наверное, это мой предпенсионный выпуск будет.

— Как народ? Нравится?

— Не то слово, — задумчиво тянет Серафима. — Ты в школе дня не работал, сразу в газету пошел, тебе не понять, пожалуй.

— Отчего же, я попытаюсь.

Улыбнулась снисходительно, как маленькому, пытающемуся на равных встрять в беседу взрослых.

— Понимаешь, они на моих глазах и моими усилиями людьми становятся. Воспитание чувств это называется. Помнишь, был такой фильм — «Воспитание чувств»?..

Дверь отворилась, и в кабинет заглянула молодая женщина.

— Мама, — начала она еще с порога, но, увидев постороннего, поправилась, — Серафима Юрьевна, вас можно на минутку?

— Дочь? — спросил я, когда, решив в коридоре какие-то свои дела, Серафима вернулась. — Тоже учительница? Развела ты семейственность в школе.

— Дочь, — согласно кивнула Каган. — И сын, и невестка, и сестра, и племянник — все учителя.

— Большая у тебя педагогическая родня, — сказал я.

— Большая, — подтвердила Серафима. — Большая, да, думаю, это еще не вся. Вы, газетчики, любите такие штучки. Так вот, чтоб ты знал: у нас в школе страшекласники над младшими шефствуют. Над моим 6 «А» — 10 «А». А знаешь, кто там классный руководитель? Ирочка Развозова. Ирина Борисовна, разумеется. Моя бывшая ученица. Хочешь, похвастаю, что она мне сказала, когда я ее спросила, почему она на физмат поступила? Я, говорит, почувствовала, что лучше вас литературу преподавать не смогу, а хуже не хочу. Понял, газетчик, насчет родни?

Понял. И после нашей беседы навел кое-какие справки. Так вот: только в школах Биробиджана сегодня преподают различные дисциплины около двух десятков бывших учени-

ков Серафимы Юрьевны. Еще больше их подвизается на педагогической ниве края. Как тут не вспомнишь некрасовское: «Сейте разумное, доброе, вечное!»

Мой рассказ о Серафиме Юрьевне Каган подходит к концу, а я еще очень многого не успел сказать. Надо бы написать о секретаре школьной партийной организации Каган; о многолетнем руководителе городского методического объединения учителей-словесников С. Ю. Каган; о душе школьных поэтических клубов «Гренада» и «Искорка» Серафиме Юрьевне; о бабушке Симе; о матери, воспитавшей двух детей-педагогов; о лучшем литературном кабинете города, оборудованном ее усилиями... О многом еще надо бы написать.

Но я ограничусь маленькой историей, рассказанной Серафимой о своих шестиклассниках.

— В нашем доме старушка одна живет. Больная. Как-то она попросила меня хлеба ей купить. Самой трудно до магазина идти. Назавтра я своим ребятишкам говорю: «Правда, это не наша зона пионерского действия, но человек в помощи нуждается». После этого разговора они, выражаясь спортивным языком, плотную опеку над бабусей установили. В магазин, в аптеку сбегают, по хозяйству помогут. А недавно радостные в класс приходят.

— Что, — спрашиваю, — сияете, как новые гривенники?

— А мы бабушке лекарство нужное доставили. В ближних аптеках его не было. Мы да-

леко ездили. По всему городу искали, искали и нашли. Она говорит: «Храни вас господь, детки». Смешная. Какой господь? Это бог? Ведь его нет.

— Правильно, — говорю. — Бога нет. Это вы верно понимаете. А «храни господь», она так, по привычке говорит. Старенькая ведь уже. Не нужно смеяться.

Серафима Юрьевна замолкает и долго глядит в окно, за которым двадцать пятая ее школьная осень сорит золотом берез и кино-варью кленов. Молчим, вслушиваясь в привычную ей и смутно тревожащую мою душу тишину, нарушаемую стуком мелка о классную доску, голосами учителей, объясняющих урок, и учеников, его отвечающих. Тихонько поют под порывами ветра большие, прямо витринные какие-то, стекла окон.

И думается мне в эти мгновения сконцентрированной тишины, что случай, рассказанный Симой, — самое что ни на есть настоящее воспитание чувств. И еще о том, что мальчишки и девчонки, обрыскавшие в поисках лекарства для незнакомого, неблизкого, в общем-то, им человека все аптеки города, не смогут уже вырасти плохими людьми. Не сумеют.

И заслуга в этом ее. Вот этой седоватой, с усталым умным взглядом, немолодой уже женщины, которую называют высоким словом — учитель. Оно и пишется вот так, с прописной буквы — Учитель.

• • а

Минеральные источники Кульдура были открыты в конце XIX столетия. В 1911 году сюда была проложена грунтовая дорога со станции Биракан. В 1913 году на источниках действовали две общих ванны (одна для мужчин, другая — для женщин). «Расщедрившись», местные власти выделили на курорт ставку фельдшера. Это и были все медицинские силы тогдашнего Кульдура. Сегодня штат медиков в этой Всесоюзной здравнице превышает 300 человек.

В. ДМИТРИЕВ

Дом здоровья

БЕЛОСНЕЖНЫЙ НАКРАХМАЛЕННЫЙ халат и такая же шапочка подчеркивают смуглость ее щек, обрамленных волнистыми прядями волос цвета воронова крыла. Статная и энергичная, Таскира Искандаровна удивительно женственна. Есть гипотеза, что каждого человека окружает невидимое глазу биополе. Ее биополе, мне кажется, состоит из частиц доброты и глубокой любви к детям. В «Жемчужине Хингана» их более двухсот. Поразительно, но уже на второй день каждый ребенок без запинки величает ее по имени-отчеству, хотя для произношения они не так просты. Детская душа всегда отзывчива на доброту.

Говорю: — Помните, в канун 1980 года я брал у вас, Таскира Искандаровна, интервью. Вы тогда сказали, что с нетерпением ожидаете большого новоселья — перевода существующего тогда на курорте «Кульдур» детского

отделения в специализированный санаторий «Жемчужина Хингана». Хотелось взяться за более крупную работу?

— Не совсем так. С вводом «Жемчужины» появилась возможность оздоровить, как мы говорим, детей в десятки раз больше, чем это можно было сделать в «Теремке». («Теремком» тогда называлась крошечная детская лечебница на 50 мест.)

Летом 80-го мы вселились в «Жемчужину» и с того дня оздоровили более пяти тысяч ребятишек. А научная работа... Знаете, врач-практик, по моему твердому убеждению, просто обязан внести СВОЙ, пусть небольшой, вклад в науку.

Таскира Искандаровна Завгорудько — заместитель главного врача санатория «Жемчужина Хингана» — впервые в отечественной практике разработала методику лечения детей, больных хроническим тонзиллитом (ангиной) с использованием азотно-кремниевой минеральной воды.

Проблема тонзиллита в современной теоретической и практической медицине вообще и в педиатрии в частности стоит очень остро. Заболевание относится медиками к наиболее распространенному, удельный вес детей, больных тонзиллитом, достигает сорока и более процентов. Между тем многие родители и не подозревают, какую опасность представляет он для здоровья ребенка. Ну поболит недельку, потемпературит... А коварная эта ангина может дать ряд тяжелых осложнений и связанных с нею заболеваний других органов. Таскира Искандаровна и ее коллеги установили, что азотно-кремниевые термальные во-

ды способствуют восстановлению ряда нарушенных функций, уменьшению воспалительного процесса, улучшению биоэлектрических процессов в сердце и повышению активности защитных механизмов.

Этим небольшим экскурсом в чистую, так сказать, науку хотелось подчеркнуть социальную значимость вклада детского врача Т. И. Завгорудько в отечественную медицинскую практику.

По проблемам тонзиллита Таскира Искандаровна защитила кандидатскую диссертацию. В 1981 году Министерством здравоохранения РСФСР новая оригинальная методика была утверждена к широкой практике. Таскире Искандаровне присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР».

Наверное, нет нужды подробно рассказывать о том, как шла она к своему открытию. Были сомнения, порой казалось, что ничего путного из задуманного не выйдет. Катастрофически не хватало времени. Работа лечащего врача, да еще администратора вдобавок, подчас не оставляла к концу дня сил. Дом и двое дочерей — Гюльнара и Сафьяна — требовали тоже немало забот. Нередко надо было заставлять себя садиться поздно вечером за научную работу.

С глубокой благодарностью будет она отзываться о своих научных руководителях — профессорах Хабаровского медицинского института Владимире Тимофеевиче Жолобове и Григории Семеновиче Постоле. Умудренные жизнью люди не только помогали ей найти верное решение серьезной научной проблемы, но и поддерживали, ободряли в трудные ми-

нута. Успеху своих поисков Таскира Искандаровна во многом обязана активным помощникам — медицинским сестрам Марии Ивановне Мамонтовой, Тамаре Матвеевне Чаусовой, Раисе Кирилловне Чупровой. Женщины по-матерински поняли, как важно помочь врачу Завгорудько найти путь к избавлению детей от опасного недуга.

Разумеется, лечение «ангинных» детей — лишь одна из многочисленных возможностей кульдурских вод. Коллектив «Жемчужины Хингана» использует в повседневной практике около ста различных методик, рекомендованных органами здравоохранения. Здесь в буквальном смысле слова ставят многих детей на ноги, излечивая тяжелейшие заболевания опорно-двигательного аппарата. Автор этих заметок далек от сентиментальности, но, право, нельзя равнодушно читать многочисленные записи в книге отзывов, оставленные родителями юных пациентов. Впрочем, нетрудно понять их чувства — разве бывают в семье трагедии тяжелее, чем болезнь ребенка?.. Исхожены врачи, выплаканы втихомолку слезы... И вот чудо происходит в «Жемчужине Хингана», когда почти безнадежный ребенок возвращается домой, будто вновь родившись.

На здоровье ребятишек здесь работает все: заботливые и приветливые сестрички и лечащие врачи, прекрасный интерьер холлов, игровых комнат, возможность проявить свои природные способности в музыкальном и художественном салонах, забавы в сказочном городке резных деревянных скульптур... И возможность получить ежедневно редкое удоволь-

ствие — лечебную процедуру с минеральной водой. Тем и отличается санаторий от клиники, что здесь все ребенку в радость, все благотворно действует на здоровье и психику. По твердому убеждению Таскиры Искандаровны, страстного поборника комплексного метода лечения, медицина в «Жемчужине Хингана» проиграла бы, действуя в одиночку.

Пять тысяч детей, излечившие в «Жемчужине Хингана» за его короткую пока историю серьезные заболевания, — это пять тысяч судеб, в которых были боль, отчаяние и, наконец, радость возвращения к активной жизни.

* * *

Сейчас Т. И. Завгорудько работает преподавателем первого на Дальнем Востоке отделения курортологии и физиотерапии, созданного в 1986 году при Хабаровском медицинском институте.

● ● ●

«В Тихонькой работают 2 драмкружка (еврейский и русский)».

Из доклада культ-инструктора.
16 января 1930 г.

В. ВИКТОРОВ

Золото высшей пробы

БИРОБИДЖАНСКОМУ ЕВРЕЙСКОМУ народному театру исполнилось двадцать лет. Возраст для человека незначительный, но для творческого коллектива весьма почтенный. Сегодня хочется рассказать о тех, кто привел

театральный корабль к гавани, носящей имя — Признание, кто способствовал успеху его плавания по бурному и своенравному морю зрительских симпатий. Обо всех: капитанах, стоявших на ходовом мостике; штурманах, прокладывавших курс; о палубных и трюмных матросах — актерах и рабочих различных цехов сложной механики лицедейства.

Застолье было нешумным, но торжественным. Берта Львовна Шильман — режиссер еврейского народного и Михаил Ефимович Шейн — актер этого коллектива праздновали золотую свадьбу. Полвека минуло с того майского дня, когда комсомолец Миша Шейн, приехавший после окончания театральной студии Госета на работу в Биробиджан, открылся в своем чувстве молоденькой актрисе местного театра Берточке Шильман. Пятьдесят лет, вместившие в себя и беззаботную, хохочущую юность, и суровые годы войны, и мучительные творческие поиски. В этих годах — гром аплодисментов в день премьерного спектакля и ожидание солдатских треугольников с далекого фронта; бессонные ночи у постели больного первенца и радость встречи с любимым под грохот победного салюта.

Они — эти годы — вобрали в себя тысячу двести фронтовых дней и ночей гвардейца-разведчика Михаила Шейна, кавалера трех орденов и многих медалей, начавшего свой боевой путь от морозной Москвы 41-го и завершившего его весенними боями на Одере в 45-м. Здесь под Альтдамом нашел его вражеский осколок, и жизнь ему спасла награда, полученная в битве за нашу столицу. Круп-

повский металл не пробил медали «За оборону Москвы». Эти годы легли в биографию Берты Львовны Шильман десятками чужих жизней, прожитых ею на сцене профессионального и любительского театров. В семейном архиве немало вырезок из газет разных лет. Это — рецензии на сценические работы Берты Львовны. Они публиковались в «Биробиджанер штерн», «Биробиджанской звезде», журнале «Советиш Геймланд», других изданиях. Но в разное время и разные люди писали об одном: о лиризме, задушевности, самобытности созданных талантливой актрисой образов.

Голда и Голд в «Тевье-молочнике», Рива Кавалерчик в пьесе «Молоко и мед» Э. Казакевича, Миреле в «Колдунье» А. Гольдфадена... Только перечень ролей, воплощенных на сцене Бертой Шильман, свидетельствует о широком диапазоне ее дарования. Образы, созданные ею, воистину народны. И все до одного рецензенты отмечают вдумчивость, серьезность, с которой исполнительница подходит к каждой новой своей работе.

Берту Львовну и Михаила Ефимовича связывает не только жизнь под одной крышей. Все эти пятьдесят лет нерушимым и основополагающим элементом их бытия было и остается духовное родство, совместные творческие искания, служение, как выражались в старину, святому искусству. Именно это сделало их жизнь наполненной и содержательной, и золото их пятидесятилетнего юбилея — самой высокой и чистой пробы.

Театр, в том числе и Биробиджанский народный, дал им многое. Но и они отдали ему

все, что имели, — талант, душевное тепло, здоровье. Да, и здоровье тоже, ибо нет другой профессии, изматывающей человека духовно и физически так сильно, как актерская.

Берта Львовна пришла в еврейский народный в качестве режиссера, когда в творческом активе этого коллектива было уже немало постановок, осуществленных первым его руководителем Михаилом Абрамовичем Бенгельсдорфом. В их ряду «Мазлтов» и «Крупный выигрыш» Шолом-Алейхема, «Гершале Острополер» Моисея Гершензона, «Зямка Копач» М. Даниэля, «Два простака» основателя еврейского театра Арона Гольдфадена. Театр пользовался устойчивым успехом у биробиджанского зрителя, были уже в нем свои «премьеры», свои традиции, свои подводные рифы и течения. И надо было выглядеть достойно и достойно продолжать дело своего безвременно ушедшего из жизни предшественника, о котором кроме хорошего в коллективе ничего не говорилось.

Знакомо это все, знакомо! Ты новый, до тебя все было хорошо — призовые места на смотрах различных уровней, лауреатство, почетное звание, зритель, успех у него. Что ты предложишь нам? Куда поведешь и к чему выведешь?

Театр — сложный организм, а любительский в особенности. И не надо обольщаться насчет всеобщего мира и согласия, царящего в самостоятельном творческом коллективе. Путь народного театра озарен отнюдь не одними праздничными огнями премьер. Не сплошные аплодисменты зрительного зала сопро-

водят работу режиссера. Между премьерными речами и букетами пролегает длительная полоса черновой, будничной работы. Исключая плановые репетиции, это и доводка спектакля после первого «сдаточного» показа, и замена отдельных исполнителей, по разным, часто труднообъяснимым причинам временно или навсегда оставляющих самостоятельный коллектив. Это и поиски пьесы, которая заинтересовала бы исполнителей, да такой, где для каждого из них нашлось бы «действующее лицо», то есть роль его амплуа, как он «сам об себе понимает». И важнее всего зажечь в сердцах актеров-любителей огонек творчества, живую заинтересованность в том, чтобы постановка состоялась. А уж потом добиваться регулярного посещения репетиций (народ все-таки занятой, не актеры-профессионалы, у каждого свои заботы и на основной работе, и дома), самоотдачи при подготовке и постановке спектакля.

Путь самостоятельного театра — это поиск в огромной массе людей новых талантов, их шлифовка, обучение сценическому мастерству, азам актерской профессии. Это — умение заставить исполнителя выявить свои скрытые возможности, высветить необходимые для данной роли черты его дарования и приглушить ненужные.

Первой работой Берты Львовны в Биробиджанском народном стала постановка пьесы Арона Гольдфадена «Колдунья». Талантливая актриса сама исполнила в ней главную роль. И исполнила с блеском. Ее баба Яхнэ — «колдунья» — не прямолинейный, а сложно инструментированный образ. Он —

олицетворение того бездушия, кривды и злых сил, которые господствуют в мире, где человек человеку — волк. Обычно эту роль в еврейском театре со времен его основателя А. Гольдфадена исполняли мужчины. Но Берта Львовна, сломав сложившуюся традицию, придала этой роли своеобразный, очень колоритный рисунок.

Впереди было много постановок, открытий, успехов и неудач. Еще поставит она «Тевье-молочника», и Михаил Ефимович сыграет в этом спектакле главную роль, и спектакль «Степеню» получит призовое место на Краевом смотре народных театров. Впереди работа над леоновским «Нашествием», впервые поставленном на еврейском языке, успех постановок, пьес писателя-земляка Бориса Миллера «Чудес не бывает» и «Тридцать три богатыря». И каждая сценическая работа, каждая роль — это кусок жизни. С болью, с кровью, с радостью, оторванной от собственного сердца.

Все это впереди. А сейчас — премьерный спектакль «Колдуньи». И исполнительнице роли бабы Яхнэ аплодируют и зрители за прекрасную игру, и партнеры, признавшие ее режиссером, руководителем, вожаком.

В течение многих лет она была и остается сейчас душой этого коллектива. По-молодому задорно звучит ее голос на репетициях, по-прежнему неутомима она в режиссерском поиске. И все эти годы рядом с ней Михаил Ефимович. Вместе обдумывают они предстоящую постановку, вместе проводят репетиции. Но годы все же берут свое, и все реже доводится им партнерствовать на сцене.

Шумит негромкое свадебное застолье. Произносятся тосты с пожеланием здоровья и счастья молодым. Я не зря раскавычил последнее слово. Они действительно молоды на своем седьмом десятке, ибо век, отпущенный им судьбой, посвятили древнему, как мир, и вечно юному искусству театра. И пусть время берет свое. Но, думается, что они еще не раз порадуют нас новыми театральными работами высшей золотой пробы.

На золотой свадьбе так хочется в это верить.

- ^ Они были первыми

«Вся уместилась Родина во мне...»

Мало кто знает Эммануила Казакевича как поэта. Но начинал он свой путь в литературу на поэтическом поприще.

Каждая строка в его первой книжке дышит первозданностью здешней земли, мужеством первостроителей, обаянием молодости ее автора — высокого художавого очкарика Эмки, как его называли друзья.

Эта книжка сейчас — достояние областного краеведческого музея. Рядом с ней под стеклом — фотография почти полувекковой давности. На ней — участники областной комсомольской конференции и среди них — Эммануил Казакевич, член ревизионной комиссии обкома ВЛКСМ, заводила многих интересных дел.

«С первых шагов, — пишет Б. Миллер в своей повести «Ясность», — Эммануил окунулся в работу, быстро накапливая тот жизненный опыт, которого ему не доставало раньше. Работал председателем колхоза в селе Казанка, заведующим Домом культуры, позднее стал организатором и первым директором еврейского драматического театра. Провел несколько пьес и поставил свою ве-

сую комедию. Но театр отнимал слишком много времени, и он перешел на работу в редакцию газеты...»

Раскроем кавычки в этой цитате, столь наполненной фактами биографии будущего писателя. За каждой фразой — месяцы и годы жизни. Первые в области выборы в Верховный Совет СССР вдохновили Э. Казакевича на создание жизнерадостной пьесы «Молоко и мед», а кроме того, для Биробиджанского театра он перевел на еврейский язык такие сложные пьесы, как «Враги» Максима Горького и «Уриель Акоста» Карла Гуккова.

Вокруг Казакевича группировалась творческая молодежь, и хотя официально литературной студией руководил Давид Бергельсон, душой ее был, без сомнения, Эмка — живой, темпераментный, остроумный парень.

Один из старейших журналистов области Н. М. Фригман вспоминал: «Вряд ли сознательно, намеренно брался он за разные дела с целью накопить впечатления, факты, материалы для будущих своих произведений, такого рода «корысть» была чужда ему. Хорошо ли это или плохо, он вовсе не подчинял все и вся в себе писательскому делу. Вedo и в годы войны он только воевал и ничего не писал, даже записных книжек не вел, что написано им потом о войне, почерпнуто из неиссякаемой памяти сердца».

«Из неиссякаемой памяти сердца» — эти слова очень точно характеризуют творческое начало Казакевича — писателя и первостроителя области. Он был молод, как город, который он строил, он рос вместе с ним. «Когда мы однажды, — писала поэтесса Любовь Вассерман, — забрались на вершину сопки, Эмка потрогал рукой ствол тополя и сказал:

— В парках должны расти деревья, они ведь очень быстро растут...»

Сегодня многое напоминает в Биробиджане о Казакевиче. Кинотеатр, построенный его руками. Улица, названная его именем. Мемориальная доска, установленная на здании редакции, в которой он работал. Сохранились тексты его выступлений на комсомольских конференциях, фотографии

тех лет. Наконец, в городе есть люди, близко знавшие Казакевича, работавшие с ним. И когда, разговорившись с ними, вглядываешься в желтевшие фотографии и документы, невольно чувствуешь, что прикоснулся к истории становления не только города на Бнре, но и большого писателя.

А потом была война... Поэт стал разведчиком, и оба эти обстоятельства, соединившись, определили своеобразие его первого прозаического произведения — знаменитой повести «Звезда».

Эммануил Генрихович Казакевич уже будучи известным писателем приезжал на Дальний Восток, на землю своей комсомольской юности, в город, поднявшийся среди болот и тайги, который он строил и о котором написал свои первые строки...

Л. Школьник,
редактор газеты «Биробиджанер
штерн».

* * *

11 мая 1934 года газета «Тихоокеанская звезда» сообщала: «Сегодня в Биробиджане состоится торжественное открытие недавно построенного еврейского театра, вмещающего 400 человек. Для постоянной работы в театре приехала из Москвы группа работников ГОСЕТа (государственного еврейского театра) в составе 48 человек. Государственный еврейский театр организован в мае 1933 года в Москве. За время своего существования он подготовил 4 спектакля. Его директором является Э. Казакевич».

* * *

22—24 августа 1935 года работал I областной съезд учителей, который обсудил вопрос: «Задачи нового учебного года». Съезд принял ряд обязательств по улучшению учебно-воспитательной работы и заверил, что Еврейская автономная область займет передовое место в системе народного образования Дальневосточного края.

* * *

5 марта 1939 года состоялся первый выпуск Биробиджанской медицинской школы. Из 15 выпускников 11 отличников. Студенты Гриншпун и Нейман показали свою конструкцию аппарата для переливания крови.

* * *

В 1964 году в Биробиджанском Доме культуры состоялся первый концерт ансамбля скрипачей. Его основателем и бессменным руководителем является С. Н. Гройсман — преподаватель Биробиджанского педучилища. Он является лауреатом первого Всесоюзного фестиваля художественной самодеятельности.

Ансамбль выступал в Кремлевском Дворце съездов, его музыка записана на грампластинку фирмы «Мелодия».

* * *

В 1973 году Биробиджанский еврейский и русский народные театры (режиссеры Б. Л. Шильман и М. М. Шименко) стали лауреатами зонального смотра народных театров. Самодеятельные артисты со спектаклем «Женитьба Бальзамина» выступали на сцене Кремлевского театра и получили звание лауреата Всероссийского фестиваля народного искусства.

Цифры и факты

Оригинальными деревянными скульптурами украшены холлы, ваннные отделения, игровые комнаты, вестибюли лечебных корпусов курорта «Кульдур». Здесь представлен во всем своем многообразии животный мир дальневосточной тайги. Автор всех поделок — электросварщик здравницы Геннадий Петрович Напрасников. Любимому увлечению рабочий отдает все свое свободное время. У него несколько персональных выставок, многократно участвовал он в смотрах-конкурсах прикладного искусства в Биробиджане, Хабаровске. Лучшие свои произведения умелец дарит детскому санаторию «Жемчужина Хингана».

* * *

Звание заслуженного работника культуры РСФСР присвоено киномеханику первого класса из поселка Лондоко Якову Андреевичу Хомякову. Более тридцати лет в любую погоду, зимой и летом выезжает он на автокинопередвижке в дальние маршруты — поселки рыбоводов, к лесорубам, промысловикам. Преодолевать трудные таежные дороги ему помогает высокое профессиональное мастерство водителя — за многие годы Яков Андреевич стал настоящим шофером-асом. Перед началом очередных сеансов механик читает лекции о советском киноискусстве, организовывает коллективные обсуждения фильмов.

* * *

Высшей наградой на конкурсе детской цветной гравюры, прошедшем в польском городе Торунь, удостоены работы студийцев Биробиджанского Дворца пионеров и школьников, руководит которыми заслуженный работник культуры РСФСР Д. Алексеев.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства

3

За мир на планете Земля

8

НА ПОЛЯХ БЕСКРАЙНИХ
ВЫРОСЛИ СОВХОЗЫ...

11

Н. Айзман

Что оставим в наследство

13

И. Шолохова

И прорастет зерно...

30

В. Фоменко

Первая трехтысячница

36

В. Горелов

Пора медосбора

45

ЕГО ЗОВУТ РАБОЧИЙ КЛАСС

57

А. Жданова

Легенды семьи Молоцких

59

В. Федоров

Разговор с сыном

69

Н. Немаев

Остаюсь с бригадой

76

Н. Филипкина

Дубки у светофора

96

В. Горелов

Лесничий

105

КУЛЬТУРА — ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ

117

В. Соломатов

Большая родня

119

В. Дмитриев

Дом здоровья

127

В. Викторov

Золото высшей пробы

131

Г52 Главная точка опоры. — Хабаровск:
Кн. изд-во, 1987. — 144 с. (На берегах
Биры и Биджана)

В сборнике рассказывается о замечательных тружениках, представляющих разные профессии Еврейской автономной области, людях, умеющих жить полнокровно и работать творчески.

Г 0802010203—26
М160(03)—87

66 3(2)6

ГЛАВНАЯ ТОЧКА ОПОРЫ

Редактор А. В. Николашина

Художник С. Ю. Биричев

Художественный редактор А. Н. Посохов

Технический редактор Н. Б. Хохлова

Корректоры Т. В. Шкулина, О. В. Корякина

ИБ № 1801

Сдано в набор 25.12.86. Подписано в печать 18.02.87. ВЛ 04119.
Формат 70х901/32- Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,26. Усл. кр.-отт. 6,65. Уч.-изд. л. 5,12. Тираж 3000 экз. Заказ 2873. Цена 15 коп. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Краевая типография № 1 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Хабаровское.
книжное
издательство

В одной из ленинских записок есть замечательные слова: «Завоевать себе делами положение». Как же злободневно они звучат в наши дни! Что ты сделал для блага общего дела — вот главная и объективная мера оценки человека, а значит — его положения в обществе, авторитета, места в общем строю. Поддерживать людей пытливых, ищущих, страстно желающих утвердить себя делом, приумножить личный вклад в наши общие заботы — значит верно понимать дух нашего времени.

Поэтому в очередной книге из серии «На берегах Виры и Биджана» мы рассказываем о тех, кого называют профессионалами, о людях, которыми крепка наша дальневосточная земля.